

П. БЯХИН

КРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЯТА

30 коп.

П. БЛЯХИН

КРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЯТА

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1968

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Набег	5
Две маски	8
Кто они?	11
Красные дьяволята	14
У Красного Оленя	19
Ю-ю	23
В огненном кольце	25
Шпион	32
Погоня	35
Кто скорее	40
Нечистая сила	44
Тяжкое испытание	46
В черной балке	50
Таинственный автомобиль	55
Разгром	59
В лапах Махно	62
Где Следопыт?	67
Охота за Голубой Лисицей	69
В мучном мешке	73
Подарок Республике	77

Редактор *Е. Ф. Богданов*
Художник *В. В. Кошелев*

Сдано в набор 25 . XII . 1967 года. Подписано к печати 7 . III . 1968 года.
Формат 60×84₁₆. Печатных л. 5. Уч.-изд. л. 4,9. Бумажных л. 2,5.
Бум. типографская № 2. Тираж 200 000 (81.000—120 000). Цена 30 коп. Зак. 6446.

Областная типография, г. Вологда, ул. Калинина, 3.

ОТ АВТОРА

Юные друзья мои, читатели! Повесть «Красные дьяволята» была написана мною в 1921 году в вагоне-теплушке по дороге из Костромы в Баку. Вместо трех дней я ехал ровно месяц. На самодельном столике наготове лежал маузер...

Гражданская война подходила к концу, но грабежи и налеты бандитских шаек на поезда и продбазы продолжались. Нам не раз приходилось по тревоге хвататься за оружие и выскакивать из вагона. Поезда часто останавливались: не хватало топлива для паровозов, и пассажиры сами помогали добывать дрова, уголь. Страна изнемогала от голода, разрухи и болезней. Но советский народ терпеливо переносил все невзгоды и героически сражался с остатками интервентов и контрреволюции. Вместе со старшим поколением билась за власть Советов и наша молодежь, юноши и девушки и даже дети-подростки. Сотнями и тысячами шли они добровольцами в ряды Красной Армии, показывая образцы невиданной храбрости и любви к Родине.

В 1920 году я не раз встречался с такими орлятами. Об их отваге и самоотверженности рассказывали поистине чудеса.

О боевых делах и приключениях тройки юных героев, прозванных «красными дьяволятами», я и написал свою первую повесть. Она была издана в Баку в 1922 году. Это была одна из первых книг о гражданской войне, кровавый след которой еще не успел остыть. Наши юные читатели горячо приняли книгу.

В 1923 году вышел в свет кинофильм «Красные дьяволята», поставленный в Грузии по моей повести и сценарию режиссером И. Перестиани.

Советские зрители, особенно молодежь и дети, встретили фильм с восторгом и немедленно отозвались сотнями писем на имя командарма Первой Конной армии С. М. Буденного с просьбами принять их добровольцами, как «красных дьяволят». Многие просили товарища Буденного сообщить им и точные адреса этой тройки. В некоторых клубах появились группы «красных дьяволят»...

В свое время кое-кто упрекал меня в том, что боевые дела и приключения «красных дьяволят» порой кажутся невероятными и непосильными для таких юнцов (16—17 лет). Но вот двадцать лет спустя, в годы Великой Отечественной войны, я опять встретил «дьяволенка» нового поколения — это Вася Бобков. Васе пятнадцать лет. Он в форме солдата. Через плечо автомат. На груди орден Красной Звезды. Вася Бобков — отличный стрелок и храбрый воин. Он не раз ходил в разведку. В бою заменял при случае пулеметчика. Мог быть и хорошим наводчиком орудия. На его счету было двадцать пять убитых гитлеровцев! Ну, разве этот юный вояка не мог быть четвертым дьяволёнком в моей повести?! А сколько таких пареньков было на разных фронтах Великой Отечественной войны!

Правда, в повести есть элементы некоторой фантастики и преувеличений, но они выражают героические настроения нашей молодежи, готовой положить и жизнь свою за дело коммунизма, за счастье народа.

НАБЕГ

Темная южная ночь тихо таяла. Бледнели и гасли звезды. За черной полосой леса розовел восток. Словно огромная чаша горячего борща, курилась туманами жирная украинская земля. Приближалось утро.

Но село Яблонное все еще спало крепким мужицким сном. Дремал даже старик-сторож, стоя у дверей церкви с колотушкой под мышкой. Вокруг всё было тихо и спокойно, как в доброе старое время. Только неугомонные петухи певуче перекликались из конца в конец беспечного села.

Ой, не спать бы вам в эту ночь, мужики!..

На опушке леса на горячем вороном коне появился маленький всадник в мохнатой папахе, заломленной на затылок. Приподнявшись на стременах, он, как вор, огляделся по сторонам. Хищное лицо его с черными колючими глазками настороженно вытянулось, ноздри раздулись, словно у хорька, почуявшего дичь. Он вдруг выхватил шашку и со свистом рубанул ею воздух.

— Гей, за мной, хлопцы!

Из леса тотчас вылетел отряд конников и, веером рассыпавшись по широкому полю, ринулся на село. Тяжело загудела земля. Стаи испуганных птиц взвились к небу.

Церковный сторож уронил колотушку и в страхе перекрестился:

— Що такэ, матерь божья! Ратуйтэ, православные!..

Но уже было поздно: стреляя на скаку, лавина всадников с диким воем и свистом неслась по улицам злосчастного села. Захваченные врасплох селяне в панике выбегали из хат и тут же падали, сраженные пулями или зарубленные шашками. Бандиты не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей.

— Бей! — бабым голосом визжал маленький всадник, размахивая шашкой.

Бандиты врывались во дворы и хаты, грабили пожитки, свертывали головы гусям и курам, угоняли овец и коров.

Но, странное дело, хаты кулаков и деревенских богатеев налетчики не трогали. Не тронули и дом священника отца Павсикакия.

Вскоре пламя пожарища озарило страшную картину разгрома. Верный своему долгу, старик-сторож поднялся на колокольню и ударил в набат.

Маленький всадник, видимо, атаман шайки, помчался к церкви. За ним скакал длинный, как жердь, бандит с помятым цилиндром на голове и мрачный рябой детина с обрезаем за спиной.

Набат гудел, усиливая тревогу, призывая на помощь.

В церкви уже орудовали грабители: они рвали на части парчовые ризы, обдирали золотые иконы, набивали сумки церковной утварью.

Атаман шайки на всём скаку ворвался в распахнутые настежь двери храма.

— Вон! Сто чертив вашему батьку! — заорал он, награждая своих соратников ударами плети. — Вон, а то рубать буду!

Ворча и ругаясь, ворвавшиеся бандиты бежали к выходам. В алтаре из-под престола выскочил перепуганный насмерть священник. С крестом в руках он подбежал к атаману и приложился к его ноге, как к иконе.

— Отец родной... батько наш... дай тебе боже доброго здоровья! Спас дом божий...

— Но-но, нечего мёд разливать, — проворчал атаман, поворачивая коня к выходу. — Своих попов мы не трогаем, пригоднось.

Поп чуть не захлебнулся от восторга и преданности:

— Да боже ж мий!.. Да я... да мы...

— Ну и баста! — отрезал бандит. Шутя хлестнул попа плетью по спине и вылетел из церкви.

Поп почесал ушибленное место, истово перекрестился:

— Слава тебе, господи, слава тебе!.. Вот, собака!

Набат внезапно оборвался...

Два бандита с трудом оторвали старика-сторожа от колокола, схватили его за ноги и за руки, бросили с колокольни. Он упал под ноги вороного коня. Конь шарахнулся в сторону, едва не выбив из седла злого атамана.

Глянув на убитого старика, он расхохотался:

— Что, дозвонился, старый пёс?

В этот момент к атаману подлетел крайне встревоженный конник:

— Беда, батько, У Совета перепалка! Голова незаможников¹ отстреливается — Ванька Недоля!

Атаман взвыл:

— Живьем, живьем взять! Шкуру спущу!..

Осажденные толпой, отец и сын Недоля стреляли из окон дома. Трое убитых уже валялись у крыльца. Решив, что взять сельсовет штурмом не удастся, бандиты обложили здание соломой и подожгли.

Когда к месту боя прискакал атаман, сельсовет уже был объят пламенем со всех сторон.

Через несколько минут дверь дома распахнулась, и вместе с клубом дыма на крыльцо выскочил могучий старик с винтовкой в правой руке. Левой он поддерживал тяжело раненного сына-матроса. Шайка встретила их торжествующим ревом, лавой окружив крыльцо.

— Живьем, живьем взять! — завизжал атаман. — Я им покажу Советскую владу!..²

Взяв винтовку за конец ствола и действуя ею, как дубиной, грозный старик двинулся прямо на толпу. Бандиты в страхе расступились по обе стороны.

— Сдавайся, старый чёрт! — ревели они, пятясь от старика.

Матрос тяжело опирался на руку отца, с трудом передвигал ноги. Лицо его было залито кровью.

Первый смельчак, попытавшийся приблизиться к старику, грохнулся на землю с разбитой головой.

¹ Председатель Комитета деревенской бедноты.

² Советская власть.

Рёв усилился, но круг стал шире.

По знаку атамана рябой бандит заехал сзади и прямо с седла метнул шашку в спину старика. Тот упал навзничь:

— Да здравствует власть Советов!

Упал и матрос. Шайка ринулась на бойцов.

— Назад, хлопцы! — приказал атаман. — Матроса взять в лес, а с отцом я сам поговорю...

Бандиты неохотно расступились. Атаман спрыгнул с седла, подошел к истекающим кровью пленникам. Старик лежал неподвижно, как мертвый, не выпуская из рук винтовки.

— Подох, собака! — зло прошипел атаман. — А то бы я показал тебе незаможных селян...

Вдруг откуда-то сверху два камня со свистом пронеслись в воздухе. Один камень больно царапнул щеку атамана, а другой попал в холку вороного коня. В то же время на другом конце села раздались испуганные крики:

— Партизаны! Партизаны!..

Бандиты поспешно вскочили на коней и, стреляя куда попало, понеслись вон из села.

По приказанию атамана рябой бандит поднял матроса на седло и умчался вслед за шайкой в лес.

Вскоре село опустело. На улицах валялись только трупы убитых да бегали взад вперед перепуганные овцы.

С крыши ближайшего к сельсовету дома проворно спустились двое ребят и с криком бросились к могучему старику, лежавшему посередине дороги, у здания сельсовета.

— Ой, батька наш, батька!

ДВЕ МАСКИ

Страна Советов пылала в огне гражданской войны. Со всех сторон к сердцу России — Москве — двигались многочисленные орды контрреволюции. С востока, севера и юга угрожали иностранные интервенты, снабжавшие белые армии оружием и продовольствием. В Крыму засел Врангель, войска которого прорывались на Украину, в район Екатеринославщины. А здесь, в тылу молодой Красной Армии, бесчинствовали кулацкие шайки, возглавляемые разными батьками и атаманами. Городские рабочие и деревенская беднота самоотверженно боролись за Советскую власть, помогали Красной Армии и нашим партизанам всем, чем могли. Сотни и тысячи молодых добровольцев пополняли ряды славных бойцов за дело свободы и социализма.

В эти грозные годы в кольце врагов советскому народу жилось тяжело, голодно и холодно. После войны промышленность была разрушена, поля не засеяны, хлеба не хватало даже для снабжения Красной Армии. Деревенские кулаки-богатеи прятали свой хлеб и продукты в ямах и потаенных местах, занимались спекуляцией и жестоко грабили городское население, спускавшее за хлеб и картошку последние пожитки.

В те дни, к которым относится действие нашей повести, такое же положение было и в городе Екатеринославе.

В Гуляй-Поле и по всей Екатеринославской губернии разгуливали и грабили мирных жителей банды знаменитого на Украине батьки Махно. Действуя в тылу Красной Армии, эти банды приносили неисчислимый вред советскому народу: устраивали еврейские погромы, громили и грабили базы снабжения, убивали советских работников, особенно большевиков и красных партизан. Деревенские богачи и буржуи всячески помогали им в борьбе против Советской власти. Они хотели вернуть старый режим, царя и помещиков.

Был вечер. На густо-красном горизонте тяжело громоздились и лезли к зениту грозовые тучи. По широкому шляху из Екатеринослава длинной вереницей тянулись мужицкие телеги и тачанки. Они возвращались с большого воскресного базара. На возах громоздились пустые деревянные кадушки, кухонная посуда, граммофонные трубы, зеркала и ведра, столы и стулья — словом, всё, что можно было выменять у голодающих горожан за хлеб, молоко и картошку.

Крестьяне явно спешили домой. Не желая остаться в одиночестве, задние возчики усердно нахлёстывали и понукали криками своих коней:

— Та ну, швидче, ковурий!

— Гей, Петро! Чи здыхає твоя кобыляка, чи шо?

— Трохым, геть со шляху, чого став, бач, лис близко!..

Грозовые сумерки уже ползли по земле, окутывая дорогу зловещим полумраком.

Подъезжая к лесу, мужики незаметно вытаскивали из-под соломы короткие куцаки¹, иные нащупывали за пазухой револьверы, готовили ножи. Они явно чего-то опасались, со страхом поглядывая на темные овраги и в сторону леса.

Только одна расписная тачанка, запряжённая парой коней и нагруженная до отказа разным барахлом, не торопясь,

¹ Куцак — от слова «куцый» — винтовка с обрезанным дулом, обрез.

катила в хвосте обоза. На её задке, увязанное верёвками, гулко гроыхало старое пианино.

Лениво пошевеливая вожжами, конями правил здоровенный мужичище, с красным заплывшим лицом и толстой золотой цепочкой на рыхлом брюхе.

Рядом, словно курица на яйцах, сидела его жена. С первого взгляда было ясно, что это почтенные и богатые люди.

Вероятно, по случаю выгодной спекуляции мужик изрядно выпил и теперь беспечно насвистывал украинские песенки. Это очень беспокоило его жинку, которая то и дело тыкала «чоловика» кулаком в спину:

— Та ну, красный пёс, гони швыдче! Бач, як тёмно?!

— Тёмно? А нехай соби тёмно, — невозмутимо отвечал «красный пёс» и не думал торопиться, — мини що: дорогу я знаю, село знаю, ворота знаю — усё знаю. Хиба ж я пьян, чи що? Бач, у мэнэ яка цидуля е?

Пьяный кулак выразительно шлёпнул ладонью по пустой кубышке, из которой торчала ручка нагана:

— Хлоп, и в голове дырка.

Жинка разъярилась еще больше:

— Вот дурна дитына! Хиба ж ты не чув, що тут сам Махно гуляе? Гони, кажу, швыдче!..

— Батько Махно? — живо отозвался мужик. — А нехай соби гуляе, дай ему боже... Вин же на радяньску владу идэ, щоб ий кишки повытягло!

И кулак разразился забористой бранью по адресу Советской власти. Наругавшись вдоволь, он вдруг бросил вожжи, смачно шлёпнул по жирной спине своей жинки.

— А хошь, Олёна, я для батьки Махно «Боже, царя» спою? Хошь? Ей-богу, спою и на музыке натрынькаю...

Мужик повернулся к пианино и лихо забарабанил кулаками по крышке:

— Бо-о-же, царя храни, сильный дер...

— Стой!..

— Руки вверх! — внезапно загремело над ухом кулака. И его кони в мгновение ока оказались свёрнутыми в обочину, а перед глазами блеснуло чёрное дуло револьвера. — Оружие и деньги! — грозно крикнул незнакомец, направляя пистолет в лоб кулаку.

В ужасе воздев руки к небу, мужик растерянно забормотал:

— Деньги?.. Яки деньги?.. — Но, глянув в лицо грабителя, он вдруг увидел красную маску, разрисованную белыми полосами и чёрными пятнами.

— О, боже ж мий! Нэчиста сила! — взревел суеверный мужик, мешком падая на свою половину.

А перепуганная Олёна уже лежала ничком, спрятав голову в большую макитру с остатками сметаны.

У тачанки появился ещё один грабитель в такой же страшной маске.

— Да они совсем окачурились от страха, — сказал первый, опуская дуло пистолета. — А ну-ка, обыщи их, Овод!

Второй грабитель проворно обшарил воз и кулака.

— Есть оружие, брат Следопыт! — радостно крикнул он, выхватывая из кубышки наган.

— Даёшь поход! — отозвался грабитель, названный Следопытом, и тотчас прыгнул с колеса тачанки.

Две красные маски мгновенно исчезли в ближайшем овраге, а перепуганная чета ещё долго лежала на месте, боясь шелохнуться. Наконец мужик осторожно приподнял голову и огляделся по сторонам. Вокруг всё было тихо.

— Дэ ж вони? — изумился он, крестясь. — Мабуть, наваждение було, чи оборотень який? Дывись, Олёна!..

И только теперь мужик заметил, что на плечах его жинки, вместо головы, торчала огромная макитра.

— Олёна! Гей, Олёна! Та дэ ж твоя дурна голова? Ты сказылась, чи шо?..

Услышав знакомый голос, Олёна медленно подняла голову вместе с макитрой. По её груди и шее стекала сметана.

Мужик невольно расхохотался:

— Бачтэ, яка штука!

Олёна с трудом стащила свой нелепый колпак. Но, увидев хохочущего мужа, она побагровела от ярости и с такой силой трахнула его макитрой по голове, что черепки разлетелись во все стороны.

— Жинку чуть не заризалы, а вин регоче, рыжий сатана!

Однако опомнившись, они оба сразу схватились за вожжи и, нахлестывая коней, понеслись по шляху, прочь от страшного места.

КТО ОНИ?

Глухая ночь спустила на мир свой черный полог. Вдали угрожающе ворчал гром, вспыхивали белые молнии, словно от страха, трепетали вершины дубов... Но что это?

Далеко над лесом пролетела красная горящая искра, за ней другая, третья... В темной чаще заиграли языки пламени.

Кто же дерзнул зажечь огонь в этом угрюмом лесу в такую тревожную ночь и так далеко от жилых селений?..

У костра под могучим дубом сидели на корточках уже знакомые нам грабители в страшных масках.

— Слушай, брат Следопыт, — сказал один, подбрасывая сухие сучья в огонь, — для чего ты крикнул: «Оружие и деньги!», когда нам нужно было только оружие? Мы же не грабители.

Второй засмеялся:

— А так страшнее. Видал, как кулак глаза выкатил? Я думал, он лопнет от страха. Военная хитрость, брат Овод.

— Ну, нет, это он твоего пистолета испугался...

— Да, пистолет лихой, — согласился тот, кого звали Следопытом, и бросил в огонь большой чёрный «пистолет», дубовый ствол которого походил на детскую пушку.

Овод снял маску. Она оказалась простой красной тряпкой, разукрашенной белилами и ваксой, с двумя дырками для глаз.

— Не пора ли, брат, начать совет вождей? — спросил он, засовывая револьвер за пояс штанов. — В поход мы, ка- жиеь, готовы.

— Ну, что ж, начинать так начинать, — ответил Следопыт и тоже сорвал с лица маску.

При колеблющемся свете костра теперь уже можно было разглядеть безусые лица двух подростков, ничуть не похожих на лесных грабителей. Юнец, названный Следопытом, был одет в красную рубашку, подпоясан простой веревочкой. На ногах большие, видимо, отцовские сапоги. Крепкий, широкий в плечах и груди, он казался сильным не по летам. Рыжие волосы буйными вихрами торчали во все стороны, а живые серые глаза смотрели дерзко и весело.

Второй паренёк был, видимо, слабее первого, но ловкий и гибкий, как лоза. Чёрные волосы то и дело сползали на его высокий умный лоб, заставляя частенько встряхивать головой. Мягкое красивое лицо, и особенно светлая улыбка, годились бы скорее для девушки, чем для парня с револьвером за поясом. Одет он был так же, как Следопыт, обут в опорки на босу ногу.

Следопыт, не торопясь, вытащил из-за голенища сапога длинную резиновую кишку с трубкой на конце.

— Для начала выкурим трубку мира, брат Овод, — важно сказал он, набивая трубку чем-то вроде табака.

Овод молча кивнул головой.

Следопыт закурил. Выпустил первый клуб дыма и так закашлялся, что на глазах выступили слёзы.

— Тьфу, ты, пакость какая! Аж в нос шибануло!

— Ничего не поделаешь, — отозвался Овод, — таков порядок в совете вождей. Твоё слово, брат Следопыт...

Следопыт вытер глаза рукавом рубахи и начал:

— Слушай, брат Овод. Одиннадцать лун тому назад Чёрный Шакал вырыл томагавк войны, а проклятая Голубая Лисица разоряет наши родные вигвамы и сёла. Бледнолицые собаки не щадят ни жён, ни детей наших и даже стариков предают лютой смерти у столба пыток. Не пора ли и нам взяться за томагавки? Или мы трусливые бабы, что сидим дома у костров мира? Смерть бледнолицым собакам!

Оратор грозно потряс кулаком в воздухе и передал конец кишки своему приятелю. Тот в свою очередь глотнул дыму и тоже закашлялся.

— Голубая Лисица замучила нашего брата Федю у столба пыток, — сказал он. — Мы должны разыскать её хоть на дне моря, заковать в железные цепи и отправить на суд Великого Вождя краснокожих...

— Ой, нет, сначала мы всыпем ему пятьдесят горячих, а потом уж и в цепи, — перебил Следопыт. — Я обещал батьке...

— Можно и так, — согласился Овод. — Значит, завтра в поход?..

— Урра-а, в поход! — подхватил Следопыт и, совсем как мальчишка, перевернулся через голову, ударив каблуками опорок по костру.

Сноп золотых искр взвился к небу, осветив на мгновение и дуб, и полянку, и юных вояк. А затем тьма стала ещё гуще и ночь чернее.

Так неожиданно закончился совет вождей... Однако пусть читатель не думает, что всё это лишь простая игра юных фантазёров «в индейцев» или ещё что-нибудь в таком же роде. Не всякому понятное решение совета вождей явилось началом таких дел и приключений, что они составят всё содержание нашей повести. А впрочем, вернёмся немного назад и расскажем, как эти ребята задумали свой поход и что их толкнуло на отчаянный трюк с красными масками...

КРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЯТА

Отец наших героев Иван Недоля жил в селе Яблонном на Украине. Всё его имение состояло из старой покосившейся хатенки да худой сивой кобылы. Зимой он ходил на заработки, а летом ковырялся на своём жалком клочке земли и батрачил у деревенских кулаков. В 1914 году он вместе со старшим сыном Фёдором ушёл на войну бить немца.

Домой Недоля вернулся уже после Октябрьской революции. Он пришёл на село в рваной шинели, заметно прихрамывая на левую ногу, но с винтовкой в руках. На его широченной груди сияли два георгиевских креста, а за пазухой лежали пачка большевистских газет и первые декреты Советской власти о земле и мире. С этого дня Иван стал самым горячим большевистским агитатором на селе.

— Земля — народу! — кричал он на сельских сходках, потрясая винтовкой. — Хлеб — Красной Армии! Смерть — белякам и буржуям!..

В разгар гражданской войны на Украине он организовал Комитет незаможных селян и крепко взял в переделку кулаков-мироедов.

Фёдор попал во флот.

Семья Ивана — жена и двое ребят-близнецов — по-прежнему ютилась в кособокой хатенке. Ребята — Дуняша и Мишка — старались быть похожими на отца и на свой лад помогали ему в борьбе за власть Советов.

Гражданская война разбила село на два враждебных лагеря: на кулаков и бедняков, на красных и белых, на тех, кто за Советскую власть и против неё.

Дети бедноты и кулачества тоже разделились на две партии и отчаянно воевали между собой, шли «стенка на стенку».

Мишка и Дуняша чуть не каждый день возвращались домой, покрытые синяками.

Старушка мать плакала. Отец посмеивался:

— Так-так, хлопцы, значит, вам опять всыпали?

— Всыпали своими боками, — хмуро отвечал Мишка. — Мы им тоже наклюкали, дай боже...

— А кто ж это вас разукрасил так?

— Кулачье разное да Митька Косой — попов сын.

— А вы что? Пятки казали?

Мишка вспыхивал от обиды:

— Ну, это ты брось, батька, я им такие фонари наставил!

— И я тоже, — подхватывала Дуняша, показывая отцу рваную кофточку, — мы вместе бьём их...

— За что ж вы воюете, хлопцы мои? — продолжал допрашивать отец, делая серьёзное лицо.

— А они нас «красными дьяволятами» обзывают. Ну, мы и... того, в кулаки их...

— А потом они Советскую власть ругают и тебя тоже...

Отец был доволен:

— Молодцы, ребята! За Советскую власть всем беднякам биться надо. И «красные дьяволята» — хорошая кличка, лишь бы не белые...

Мать горестно всплёскивала руками:

— Что ж ты делаешь, старый, дети в крови приходят, а он ещё нахваливает!

Но «дети» давно уже решили воевать за Советскую власть по-настоящему, с оружием в руках, как взрослые. Под руководством отца они изучали военный строй, ружейные приёмы, стрельбу из винтовки и револьвера.

К великому удовольствию Ивана, в стрельбе Мишка скоро превзошёл своего отца. Из револьвера на десять шагов он попадал в яблоко, а из винтовки почти не знал промаха. Неплохо «рубал» он и старенькой шашкой, одним махом срезая голову «белогвардейцу», слепленному из глины. Но из всех военных дел Мишке больше всего нравилась разведка. Всерьёз готовясь к этому делу, он исползал на животе окрестности села, порвал все свои штаны и рубашки, по голым стволам лазал на вершины самых высоких сосен, часами сидел там, «выслеживая врага» и корректируя воображаемый огонь Красной Армии.

Дерзко поправ обычай своего пола, Дуняша мало в чем уступала своему брату и была с ним неразлучна, как тень.

Ребята помогали и матери по хозяйству: ходили в лес за дровами и хворостом, таскали воду с реки, обрабатывали огород, чистили картошку...

Впрочем, кроме картошки, у Недоли ничего и не было. Хлеб пополам с мякиной и лебедой они получали из сельсовета по восьмушке на человека да изредка по фунту муки через Комитет незаможных селян.

Так же, как отец, ребята не унывали. Они свято верили в светлое будущее трудящихся, в окончательную победу Советской власти и всей душой любили Владимира Ильича Ленина, о котором так много рассказывал им отец и брат Фёдор. Ленин представлялся им как добрый отец всего трудового народа, как великий вождь и чудо-богатырь земли русской. Недалом между собой они называли его Великим Вождём краснокожих воинов...

У брата и сестры были две страсти: война и книги. Читали они запоем всё, что подвёртывалось под руку. Но больше всего любили книги о боевых подвигах и приключениях, о путешествиях за моря и океаны, о героической борьбе краснокожих индейцев Америки за свою свободу и независимость.

Любимыми героями Мишки были «последний из могикан» — Ункас и старый охотник — Следопыт. А так как Следопыт был замечательным разведчиком, Мишка присвоил себе и его кличку.

Дуняша долго не могла найти для себя подходящего имени. Но однажды сельский учитель, охотно снабжавший их книгами, подарил Дуняше чудесный роман Войнич «Овод». Ребята прочитали его залпом и были потрясены необыкновенным мужеством и самоотверженностью Овода в борьбе за освобождение Италии от иноземцев-поработителей. На истрёпанные страницы, где описывалась трагическая смерть Овода, не раз падали горькие слёзы Дуняши, а Мишка отворачивался в сторону, подозрительно посапывая носом. Как настоящий мужчина, он старался скрывать свою слабость.

Чтение этой книги закончилось тем, что Дуняша дала Мишке клятву быть такой же самоотверженной, как Овод, и так же, как он, мужественно встретить смерть, если придётся погибнуть в борьбе за власть Советов, за свободу. Мишка торжественно одобрил клятву сестры и назвал её Оводом.

В сознании ребят современные события и герои гражданской войны так причудливо переплетались с книжными образами, что они уже и сами не знали, где кончается чудесная сказка и вымысел, а где начинается подлинная суровая

жизнь. В разговорах между собою они создали даже свой особый язык, заимствованный у индейцев Фенимора Купера и Майн Рида, понятный только им одним. Красноармейцев они называли краснокожими воинами, белых контрреволюционеров — бледнолицыми собаками. Белогвардейский генерал Врангель получил кличку Чёрного Шакала, бандита Махно окрестили именем злого и коварного апаха — Голубой Лисцей. Знаменитый командарм Первой Конной армии Будённый носил у них имя храброго предводителя одного из индейских племён — Красного Оленя и т. п. А Ленина, как мы уже говорили, иначе и не называли, как Великий Вождь краснокожих воинов: в их представлении это была высшая степень любви и уважения.

Время шло. Гражданская война разгоралась. Ребята продолжали готовиться к боевым делам и уже стали осаждать своего батьку просьбами отпустить их добровольцами в армию краснокожих воинов. Разумеется, они пойдут под начало только самого Красного Оленя, то есть Будённого. В то время слава Первой Конной уже гремела по всей России, заражая сердца молодёжи жаждой подвига.

Отец одобрительно посмеивался, но всё же советовал ребятам подрасти ещё немного, а потом уж...

Дуняша и Мишка ждали этого дня с величайшим нетерпением. Но тут случилось событие, сразу опрокинувшее все их надежды и планы. С фронта неожиданно прибыл старший брат — матрос Фёдор, чтобы организовать на селе заготовку хлеба для Красной Армии. Отец, как председатель Комитета незаможных селян, пришёл ему на помощь и при содействии бедноты стал выкачивать у кулаков припрятанный хлеб.

И вот в тот день, когда продотряд выехал в соседнюю деревню и в Яблонном не осталось вооружённых сил, в село ворвалась уже известная читателю банда и учинила кровавый разгром. Это была одна из шакк самого злого врага Советской власти — батьки Махно. Тогда они увезли раненого Фёдора в лес и там замучили насмерть.

Получив тяжёлую рану в спину, отец наших героев всё же оправился и через два месяца встал на ноги. Его хатёнка сгорела. Иван Недоля устроил свою семью у знакомого рабочего в городе Екатеринославе, а сам решил уйти к красным партизанам. Прощаясь с Мишкой, отец сказал:

— Вот что, сынок, если я сам не встречу и не убью Махно, то постарайся разыскать его хоть ты и всыпь ему таких горячих, чтобы он вовек не забыл нашей деревни...

Неизвестно, шутил ли отец или говорил всерьёз, но Мишка гневно блеснул глазами и сурово ответил:

— Не бойся, батька, это ему даром не пройдёт. Я найду его хоть под землёй! Скажи только, сколько ему всыпать?

Отец невольно улыбнулся:

— Да влепи хоть полсотни и то будет добре.

— И я с Мишкой пойду! — вмешалась Дуняша, бросаясь на шею отца. — Махно замучил нашего Федю.

Напоминание о смерти старшего сына передёрнуло старика. Он расцеловал детей и плачущую жену, смахнул с ресницы тяжёлую мужицкую слезу и быстро вышел вон, прихватив винтовку.

С тех пор отец как в воду канул — ни слуху ни духу. Все думали, что он погиб. Только жена не хотела верить и ждала его домой изо дня в день, полная тоски и горя.

По уходе отца ребята решили, что они уже достаточно выросли и вполне готовы для боевых дел (а как же, ведь им уже перевалило за пятнадцать лет!). Одна беда — у них не было оружия. Винтовку и револьвер забрал отец, а старенькая пашка в расчёт не принималась. «Не оружие, а бабье веретено», — уверял Мишка. Как же быть? После долгих споров и обсуждений ребята решили отобрать оружие у какого-нибудь кулака или бандита, а потом двинуться в «поход». Как и чем закончилась эта попытка, читатель уже знает из предыдущей главы.

Костёр на полянке догорал. Ребята сидели под дубом, обсуждая разные детали предстоящей военной кампании.

В первую очередь они решили пробраться в лагерь Красного Оленя — Будённого, недельку-другую повоевать с бледнолицыми собаками, поработать для практики разведчиками, а потом уж направиться на поиски проклятой Голубой Лисицы, то есть Махно, и разделаться с ним по-своему.

Как видно, ребята затеяли нешуточное дело. Они свято верили, что всё пойдёт как по маслу и врагам революции не сдобровать!

Жаль только, что им не удалось достать пару хороших маузеров, с которыми, по их мнению, можно было победить весь мир: шутка ли — двенадцать пуль в одной обойме! Да вот нехорошо ещё, что старуха мать одна остается дома. Захиреет с горя.

— Тяжело будет нашей матке-то, — грустно заметил Овод, вытирая полой рубахи заплаканные глаза, — не выдержит она голодухи, зачахнет без нас...

— Не закахнет, — сурово возразил Следопыт, чувствуя, что и сам вот-вот разревётся. — Экая ты беспонятливая, война-то ведь не кухня, не с горшками драться. Солдаты всегда уходят, а матери остаются...

— Да я что ж, ничего... Я говорю только, что тяжело будет старухе, — оправдывался Овод, стараясь приободриться.

— Значит, завтра чем свет в поход?

— Уже сегодня. Вишь, светает.

— Руку, товарищ!..

Ребята крепко обнялись. А затем дали клятвенное обещание всегда быть вместе, не оставлять друг друга в беде и биться за власть Советов не на жизнь, а на смерть.

Сидя плечом к плечу и продолжая мечтать о будущих подвигах и приключениях на красном фронте, они незаметно задремали.

Костёр давно погас... Ночная тьма поднялась к небу, чёрные тучи рассеялись, и огненные мечи восходящего солнца возвестили спящему миру: «Пора вставать, идёт утро!..»

У КРАСНОГО ОЛЕНЯ

На берегу извилистой речонки, по оврагам и деревушкам, раскинулся лагерь Конной армии Будённого. После многодневного утомительного марша бойцы и кони отдыхали. Впрочем, этот отдых был вынужденным: на пути конницы встретились сильные части белогвардейской пехоты, окопавшейся вдоль опушки леса с артиллерией и пулемётами.

Штаб армии расположился в крестьянской хате на окраине села. На крыльце стояли два будёновца с винтовками — это охрана. В штаб то и дело пробегали ординарцы с донесениями или с приказами, выскакивали обратно, садились на коней и неслись прочь.

В хате за большим столом, склонившись над полевой картой, сидели сам Будённый и могучий седовласый полковник с пышными и длинными усами, похожий на гоголевского Тараса Бульбу.

— Так вы говорите, полковник, что фланг противника — самое слабое место? — спросил Будённый, скосив глаза на старого казака.

— Эге ж, — коротко ответил тот, потряхнув чубом. — Ось тут такая низина, по которой можно ударить в конном стрю. — Он ткнул пальцем в отметку на карте.

Будённый усмехнулся:

— А вот здесь, на холмике, стоят «максимки» и могут порезать твоих коней, как коса траву.

Полковник почесал в затылке:

-- Ось тут?.. Могут поризать... Як же будэ?

— Ударим в лоб, — решил Будённый, — вот по этой долине.

Полковник удивился:

— В лоб? Ни, так не можно.

— В лоб! — повторил Будённый, вставая. — Это слишком дерзко, зато неожиданно для врага. А для конницы внезапный удар — половина победы. Ваш полк махнёт первым перед рассветом. Ещё раз пошлите разведку...

— В лоб так в лоб, — спокойно согласился полковник и, вынув из кармана трубку, стал набивать ее махоркой.

В дверь кто-то постучал.

— Войдите! — крикнул Будённый.

Дверь распахнулась, и бравый казак, взяв под козырёк, вытянулся в струнку у входа.

— Ты что, Гарбузенко?

— Шпиёнов привели, товарищ командующий.

— Шпионов? Вот кстати. Где ж вы их схватили? — живо спросил Будённый.

— В лесу, около речки.

— А почему вы думаете, что это шпионы?

— Та вони дюже подозрительны: кажут, шукалы Будённого, и такое балакають, що не дай боже. Мабуть, вони пьяны, чи шо, — отвечал, переходя на украинский язык, красноармеец.

— Вы обыскали их?

— А то як же!

— Что ж нашли?

— Та оцю книжку та наган.

— Хорошо, давайте их сюда.

— Слухаю! — будёновец повернулся на каблуках и, приоткрыв дверь, позвал: — Гей, Петро, тягни их до команди!

В хату, подталкиваемые сзади, вкатились два старичка с длинными бородами неопределенного цвета. Один походил на деда мороза, слепого детскими руками: низенький, квадратный, с всклокоченной бородой, немного съехавшей набок; второй был тощий и прямой, как палка. Старички подошли к столу и с любопытством стали оглядывать помещение штаба.

На столе рядом с картой лежал маузер.

При виде оружия квадратный старичок живо толкнул в бок тощего, шепнув вполголоса:

— Гляди-ка, маузер!

— Маузер, — тоже шёпотом ответил тот, сделав ещё шаг к столу.

Полковник, зорко следивший за каждым их движением, быстро схватил маузер и чему-то ухмыльнулся.

Окинув старичков пытливым взглядом, Будённый опёрся подбородком на эфес своей сабли и сухо спросил:

— Вы откуда, старики, пожаловали в наши края?

— Мы-то? — переспросил квадратный старичок, оправляя бороденку. — А кому какое дело? Мы ж не такие дурни, чтобы всякому болтать, как и что.

Будённый изумлённо вскинул брови:

— Вот это номер! Вас же арестовали около самого штаба!..

— А ну что ж, — отрезал старичок, — мы пробирались к Красному Оленю, а нас и цапнули...

— Что за вздор, какой олень?

— Красный...

Тощий старичок дёрнул квадратного за рукав и на ухо шепнул:

— Они же не знают!..

— И верно! — спохватился квадратный. — Мы, значит, к Будённому шли и вот — влопались.

— Ну, так говорите, что вам нужно от него. Я и есть Будённый.

Старички ахнули в один голос:

— Сам Будённый?!

— А ведь похож! Ей-богу, он! — обрадовался квадратный, подтачивая вперед тощего. — Ну, валяй, рассказывай, брат Овод, а то я опять наверчу что-нибудь.

Тощий старичок подвинулся ближе к Будённому:

— Вы на нас не сердитесь, товарищ Будённый. Мы, вот я и мой братень Следопыт, то есть Мишка, из села Яблонного, а батяня наш Иван Недоля ушёл в партизаны, брата Фёдора замучили бандиты Голубой Лисицы, значит, Махно, а мы с Мишкой решили вступить добровольцами к вам...

— В ряды краснокожих воинов, — вставил квадратный старичок.

— Не перебивай, пожалуйста, — отмахнулся тощий и продолжал:

— Под вашей командой мы хотим немного попрактиковаться в военных делах...

— Побить бледнолицых собак, — опять не утерпел квадратный, — а потом разыщем проклятую Голубую Лисицу и всыпем ей полсотни горячих. Пусть знает, гадюка, как села жечь! Во!..

— Вы что-нибудь понимаете здесь, полковник? — сердито спросил Будённый. — Красный Олень, бледнолицые собаки, Голубая Лисица... Что за тарабарщина такая?..

Овод хотел уже разъяснить, в чём дело, но тут старый будёновец подошёл к старичкам и, вдруг схватив их за бороды, дёрнул вниз:

— Бачтэ, яка кумедия!

И перед изумлёнными взорами красных конников и Будённого во всей красе предстали наши герои — Следопыт и Овод. Все прыснули со смеху, а за ними рассмеялись и ребята.

— Это ещё что за фокусы?! — прикрикнул Будённый.

Ребята сразу притихли, не совсем понимая, почему сердится Красный Олень, когда всё получилось так великолепно.

— Никакого тут фокуса нет, — робко возразил Овод, — мы это для отвода глаз прицепили и вот явились к вам...

— А на что вы мне нужны? — отрезал Будённый. — У вас ещё молоко на губах не обсохло, а вы воевать задумали.

— Как, на что? — удивился Следопыт, выступая вперёд. — А кто вам Голубую Лисицу поймает?..

— И потом, иметь такого разведчика, как Следопыт, — вовсе не худо, — поддержал Овод. — Он может проползти на пузе хоть двадцать вёрст, а шашкой рубает не хуже любого казака.

Мишка сердито фыркнул и задрал голову вверх.

Будённый не выдержал тона:

— Вот забавные хлопцы! Куда ж мы их денем, полковник?

— Принять на службу и отдать под мою команду, — невозмутимо посоветовал старый вояка, — а я их прощупаю.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, — согласился Будённый. — Только проверь сначала, что это за сорванцы такие.

— Слухаю! Гайда за мной, хлопцы!

— А где ж наше оружие? — спросил Мишка. — Мы его в бою взяли...

— Возвратить! — коротко бросил Будённый, снова наклонясь над картой.

По-военному отдав честь Будённому, ребята вышли вслед за полковником.

Ю-Ю

Был уже вечер, и на голубом небе одна за другой выплывали звёзды.

Ребята шли по деревне, полные радости и надежд, — они станут будёновцами!

Мишка старался идти в ногу с полковником, который молча посмеивался, наблюдая за юнцами. Мимо них то и дело проносились верховые. Во дворах ржали и фыркали кони. Порой слышался лязг штыка или шашки, окрики патрульных, лихая песня. Там и сям горели костры, вокруг которых сидели на корточках воины в ожидании ужина. Лагерь глухо рокотал и гудел, словно улей гигантских пчёл.

По пути ребята увидели несколько хат, снесённых до основания артиллерийским огнём. Только чёрные остовы труб и печей зловеще торчали среди кучи развалин, производя жуткое впечатление.

У наших героев невольно сжались сердца: вот она где настоящая-то война! Вот они настоящие красные бойцы и тот самый фронт, куда тянуло их с такой неодолимой силой!

Пройдя развалины, Мишка и Дуняша увидели кучку деревенских ребят. Они шумели и над кем-то громко смеялись. Центром внимания оказался молодой китаец с будёновкой на голове, который старался выбраться из толпы.

— Ходя! Ходя! Косолапый ходя! — кричали озорники, дёргая его за полу длинной шинели. А когда китаец поворачивался, чтобы схватить обидчика, они с хохотом отскакивали прочь.

Жёлтое лицо китайца посерело от гнева. Он яростно метался в куче озорников.

Овод возмутился издевательством над китайцем и тотчас шепнул что-то на ухо Мишке.

— Есть, дать взбучку! — ответил Мишка. И не успел полковник сообразить, в чём дело, как наши приятели с криком «ура» врезались в толпу ребят, раздавая удары направо и налево. От быстроты и неожиданности натиска толпа в испуге разлетелась в разные стороны.

Опрокинув двух-трех озорников, Мишка и Овод подбежали к китайцу и в воинственной позе стали по бокам:

— Прочь, бледнолицые собаки! — крикнул Мишка, хватывая револьвер. — Не будь я Следопыт, если не влеплю кому-нибудь пулю в лоб! А ну, подходи, кто желает!..

Желающих не оказалось...

— Молодцы, хлопцы! — смеясь, похвалил старый казак. — Быть вам будёновцами! Ведь это кулацкое отродье напало на Ю-ю.

— Рады стараться, товарищ полковник! — по-военному гаркнули ребята.

Прижимая руки к груди, китаец низко кланялся своим заступникам и почтительно лопотал:

— Спасибо, капитана!.. Караша, капитана, моя твоя товалиса!

Он схватил руку Мишки и крепко встряхнул ее в знак дружбы и преданности. Потом резко обернулся вслед убежавшим озорникам и погрозил кулаком:

— Твоя шайтан! Моя твоя бить будет!

— Как тебя звать, товарищ? — спросил Овод, в свою очередь пожимая руку китайцу.

— Моя звать Ю-ю, товалиса Ю-ю...

Из разговора с полковником выяснилось, что Ю-ю давно уже находился в армии Будённого, исполняя различные поручения штаба полка, а иногда бывая в разведке. До прихода в армию он работал в китайской прачечной в Москве, потом был акробатом в цирке и даже уличным фокусником при старом шарманщике. Гражданская война пробудила в нем страстное желание покинуть свою неблагодарную работу и броситься в огонь кровавых событий. Он смутно понимал, что борьба русских крестьян и рабочих за Советскую власть есть дело всех угнетённых, и стихийно потянулся к красным, под знамена свободы и революции. По просьбе наших ребят полковник согласился устроить их всех вместе и взять под своё особое покровительство. Задорные юнцы сразу полюбили суровому воину, известному среди будёновцев под кличкой Де-

да. Особенно понравился ему Овод, поразительно похожий на его красавца сына, сложившего голову в борьбе с белобандитами. Все направились к хате, занимаемой полковником.

— Следуй за нами! — приказал Мишка Ю-ю. — Теперь ты будешь моим оруженосцем.

— Слюхай, капитана! — охотно отозвался Ю-ю, взяв под козырёк.

Вскоре все четверо уже сидели за большим столом в хате полковника.

— Ну-с, хлопцы, что ж мы будем делать? — начал полковник, попыхивая трубкой и оглядывая своих гостей.

— Воевать! — решительно отрезал Мишка. — А пока не худо бы поесть досыта...

— Мы уже пять дней одними сухарями пробавлялись, — подтвердил и Овод, стараясь смягчить слишком прямой подход Мишки.

— Добре, хлопцы, добре, можно и поснидать.

На столе вскоре появился незатейливый солдатский ужин, который голодные ребята мигом уничтожили.

На первый случай судьба им улыбнулась, и всё устраивалось так, как мечталось. Было решено, что некоторое время они «попрактикуются» в военном деле, поучатся у опытных красноармейцев, как держать себя в бою, как ходить в разведку, ухаживать за конями и прочее.

На другой день ребятам уже выдали старенькое военное обмундирование и короткие драгунские винтовки. Правда, всё это было немножко великовато и смешно топорщилось во все сторсны, но юнцы сразу почувствовали себя настоящими боевыми будёновцами, готовыми идти в огонь и в воду. Теперь они были уверены, что обещание, данное отцу, будет скоро выполнено. Оглядев себя в боевом наряде, Мишка уверенно сказал Оводу:

— Теперь берегись, Голубая Лисица, душу вытрясем! Во!..

— Не говори «гоп», пока не перескочишь! — охладил пыл Мишки более благоразумный Овод. Однако и он не мог предвидеть, какие трудности и беды ждут их на пути к цели.

Так началась боевая жизнь юных фантазёров.

В ОГНЕННОМ КОЛЬЦЕ

В суровой, полной опасностей и лишений обстановке время летело незаметно. Прошла неприятная, мокрая, с непролазной грязью осень 1919 года. Прошла и страшная зима с её

лютými морозами и почти непрерывными боями против многочисленных полчищ белых, наседавших со всех сторон, проникших до Орла и Воронежа. Это были самые критические дни гражданской войны, когда Конная армия под командованием Будённого разгромила два корпуса белых генералов Мамонтова и Шкуро, шесть лучших конных кубанских корпусов генерала Павлова, очистила от белых весь Дон, Кубань, Северный Кавказ, проделала воистину легендарный тысячевёрстный переход до Киева, захваченного белополяками, а по пути беспощадно уничтожала бандитские шайки Махно и других «батьков».

Невозможно описать все героические подвиги Конной армии в эти памятные дни и нельзя представить себе те бедствия и трудности, которые пришлось ей пережить и преодолеть. Это не столько битвы с врагами, сколько голод и жуткие морозы, паразиты и болезни, невылазная грязь и бездорожье.

Всё это видели и перенесли наши юные герои. Правда, они заметно похудели и заглубили, обтянулись их лица, руки стали корявыми и жёсткими, но зато они закалились телом и духом, окрепли, возмужали. Теперь они поняли, что война—это не только славные подвиги, но и бесконечно трудное и страшное дело, требующее много сил, ума, железной стойкости и самоотверженной любви к своей Родине.

За эти дни все трое не раз участвовали в боях, ходили в разведку с опытными будёновцами, научились прекрасно владеть конями и ухаживать за ними. Их боевые успехи, выносливость и отвага поражали даже старых вояк. А полковник души в них не чаял и всякий раз, когда начинались бои, дрожал за жизнь ребят, словно это были его собственные дети.

Теперь Конная армия проходила по украинской земле, где бесчинствовали банды Махно, и в голове Мишки снова вспыхнула надежда разыскать и поймать Голубую Лисицу. Но, перед тем как отправиться на опасные поиски, ребята решили добиться от полковника самостоятельного поручения, на котором можно было бы проверить свои силы и способности как разведчиков. Дед долго упирался, но, наконец, уступил и обещал при первом же случае удовлетворить их желание. Такой «случай» не заставил себя долго ждать.

Однажды полк Деда получил приказ выбить противника из небольшого леска на левом фланге Конной армии. Перед наступлением надо было основательно прощупать позиции белых глубокой разведкой, чтобы нанести удар в наиболее

уязвимое место. И вот одновременно с группой опытных разведчиков полковник скрепя сердце решил отправить в самостоятельную разведку и нашу тройку.

— Только смотрите, хлопцы, зря не хабритесь, — напутствовал их Дед, — ходите так, чтобы вас даже заяц не слышал. Разнюхайте, где там у них пушки стоят, где пулемёты, да посчитайте их, а мимоходом гляньте, не прячется ли где белая конница, и живо назад...

Получив боевое задание, друзья по установившемуся обычаю немножко поспорили, как его лучше выполнить. В качестве Следопыта Мишка, естественно, принял командование первой самостоятельной разведкой, тем более, что он обладал каким-то особенным нюхом и удивительной способностью быстро ориентироваться в обстановке и применяться к местности. За час до рассвета, в сопровождении неутомимого и преданного Ю-ю, друзья отправились в путь, вооружённые с головы до ног. Кроме винтовок и револьверов, каждый имел по несколько ручных гранат.

Всё живое спало крепким предутренним сном. Даже хищные ночные птицы редко нарушали таинственный покой природы, беззвучно пролетая над головами путников и мгновенно исчезая во мраке. Густой туман, словно седые космы старой ведьмы, тянулся по сырой земле и кустарникам, мутной пеленой заволакивал лес, скрывал овраги и рытвины, превращал всё вокруг в клубящуюся пустыню, полную загадок и страха. За каждым кустом, в каждой яме и рытвине, казалось, притаился кто-то враждебный, подстерегающий красных разведчиков. Но Следопыт отважно шагал впереди с наганом наготове. Не отставая ни на шаг, за ним шёл Овод, а сзади с «карабасом» в руках скользил, как тень, Ю-ю. Его пояс был весь увешан гранатами.

В таком порядке без всяких приключений ребята прошли последние караулы и посты нашего расположения и вскоре оказались между двумя неприятельскими армиями.

Пройдя таким же смелым, уверенным шагом ещё с полверсты, Мишка вдруг остановился.

Овод тотчас ткнулся носом в его затылок, а Ю-ю налетел на Овода.

— Тихо! — приказал Мишка. — Садись!

Ю-ю и Овод тотчас опустили на сырую траву.

Мишка осмотрелся по сторонам, проверил направление и стал искать ориентир, по которому можно было бы двигаться дальше, без риска заплутаться.

Вокруг простиралась голая степь, кое-где пересечённая оврагами. Вдали виднелся какой-то тёмный холм, за ним тянулась полоса леса. Мишка решил идти прямо на этот холм, а оттуда наметить новый ориентир.

— Ложись и следуй за мной! — шёпотом скомандовал Мишка.

Все трое приникли к земле и беззвучно, как настоящие пластуны, поползли друг за другом в прежнем порядке.

Время от времени Мишка останавливался, приподнимая голову, и острым взглядом озираал окрестности. Видимо, подражая своему герою Следопыту, он изредка падал на траву и, приложив ухо к земле, чутко ловил все звуки и шорохи, стараясь угадать их источник.

Овод в точности копировал Мишку, а Ю-ю просто ложился на живот и терпеливо ждал дальнейшей команды. Он полагал, что его дело — точно и быстро исполнять приказания, а об остальном должен заботиться его бесстрашный «капитана», в таланты которого он верил свято и нерушимо.

Но всё было тихо и сумрачно.

Таинственный холм, до которого добрались, наконец, разведчики, оказался большой купой деревьев и кустарника. Дальше виднелся лес, а перед ним предпола-

галась первая линия обороны противника.

— Передохнем, — тихо скомандовал Мишка, скользя, как ящерица, в кустарник.

Так же бесшумно за ним прошмыгнули остальные.

Осторожный Мишка тщательно обследовал ближайшие

кусты и, наткнувшись на большую яму, решил расположиться в ней. Разведчики ещё не успели занять «позиции», как Мишка, чуть слышно шикнув, припал ухом к земле.

Все притаились в яме, с замиранием сердца ловя звуки. Однако ни Ю-ю, ни Овод не слышали ничего подозрительного. С лёгким шумом перелетали с ветки на ветку певчие птицы. Где-то далеко трещал коростель, из глубины леса доносилось воркование горлинки. Через минуту Мишка поднял голову.

— Нишкни, ребята! Я слышу какой-то подозрительный шорох, он указал в сторону леса, — а потом что-то стукнуло, будто железка о железку задела. На всякий случай приготовьтесь к делу.

Овод и Ю-ю расположились справа и слева от своего командира, положив карабины на край ямы и приготовив гранаты.

Мишка неподвижно лежал на животе, всматриваясь в гущу тумана. Вдруг он проворно схватил карабин и снова командовал:

— Готовься к бою! Без команды не стрелять!

Овод прильнул щекой к холодному ложу. Ю-ю, как Будда, сидевший на дне ямы, невозмутимо положил руку на затвор своего «карабая». Ни один мускул не дрогнул на его жёлтом, словно вылепленном из терракоты, лице. Только в щёлках глаз блеснул опасный огонёк.

Непонятный шорох приближался к яме. У притаившихся ребят пробежал по коже неприятный холодок, жутко сжимали сердце.

Что бы это значило?

Но вот справа от ямы, в трёх-четырёх шагах от ребят, вынырнула из тумана серая фигура солдата с винтовкой в руке. Стараясь не шуметь, солдат быстро полз на животе. За ним тускло блеснул штык, другой, третий... Разведчики не успели ещё сообразить, в чем дело, как всё исчезло в тумане, словно это были призраки. И опять стало тихо.

— Как это понимать? — прошептал Овод на ухо Следопыту.

— Очень просто, — зло ответил Мишка. — Мы опоздали с наступлением. Бледнолицые собаки предупредили нас. Это прошла первая цепь. Вот так влипли в историю!

Следопыт в затруднении почесал затылок.

Когда создавалось запутанное положение, Овод обычно находился скорее и нередко выручал из беды. Так случилось и на этот раз.

— Вот что, брат Следопыт, — тихо сказал он, — во что бы то ни стало мы должны предупредить наших, предупредить сию же минуту, иначе наш полк разгромят бледнолицые собаки.

Следопыт сердито фыркнул:

— Это и я знаю. Но как предупредить — вот вопрос? Впереди идет цепь, за ней ползёт другая, а потом...

— А вот как, — возразил Овод, — я и Ю-ю останемся здесь и, как только вторая цепь пройдет мимо нас, ударим вслед огнём из карабинов и пуганём гранатами... И тут начнётся такой тарарам...

— Ну, а дальше что? — нетерпеливо перебил Следопыт.

— Дальше ты сию же секунду поползёшь за первой цепью, во время паники проскользнёшь к нашим и...

— Есть! — отрезал Следопыт, хватая карабин. — Принимай команду, Овод, и действуй...

И он мгновенно исчез вслед за цепью неприятельских солдат. Ю-ю, хотя и плохо понял, о чём говорили его друзья, но сохранял полное спокойствие, ожидая приказаний нового начальника.

Вскоре с обеих сторон ямы появилась вторая цепь белых.

Овод приказал Ю-ю открыть огонь по левому флангу, а сам ударил по правому.

— Трах-тах-тах! — внезапно прокатился залп из двух карабинов, сразу разорвав тишину и как бы пробудив спящую землю.

— Бах! Б-бах!..

Несколько беляков справа и слева с воем завертели на земле. Вторая цепь, не ожидавшая нападения сзади, в ужасе заметалась в разные стороны, не понимая, кто и откуда стреляет. Беглым огнём выпустив по обойме, Овод и Ю-ю засыпали бегущих солдат гранатами.

Услышав пальбу и взрывы позади себя, первая цепь сразу остановилась. Солдаты решили, что обойдены красными с тыла, в панике повернули назад и открыли огонь по второй цепи белых. Те начали отстреливаться, отходить обратно к лесу.

Началась невообразимая паника. В густом тумане и люди и кони бестолково носились взад и вперёд, стремительно сталкивались грудь с грудью, топтали и били друг друга, стреляли в упор белые в белых, катались по земле. Там и здесь злобно лягали штыки, сверкали шашки, слышались предсмертные стоны и крики.

Бегущих беляков Овод и Ю-ю встречали гранатами.

Через пару минут обе цепи прокатились обратно к лесу, сея панику в глубине неприятельского расположения.

Овод тотчас сообразил, что путь свободен, и дал знак Ю-ю прекратить пальбу и следовать за собой. Ребята бегом помчались в обратный путь.

Вскоре отряд будёновцев ураганом ударил на белых и окончательно смял их ряды. Потом с пашками наголо ринулась уже целая лава конников.

— Ура! — крикнул Овод. — Следопыт сделал своё дело...

— Караша, капитана! — одобрил и Ю-ю, высоко подбросив вверх свой карабин и ловко поймав его за ствол.

Вдали тяжело загромыхали пушки, затрещали пулемёты. Лес опоясался огнём, пылью и дымом.

Будёновцы заняли позиции противника, разбив два полка белых, захватив пленных и богатый обоз.

К полдню боевая тревога улеглась окончательно. Полк начал готовиться к дальнейшему походу. Наши друзья остались целы и невредимы. Только фуражка Следопыта оказалась простреленной в двух местах, да Ю-ю получил пулевую царапину в ногу.

Старый полковник с восторгом и гордостью рассказал бойцам о первом подвиге юных разведчиков. Будёновцы тотчас разыскивали ребят, с криками «ура» подняли на руки и так лихо «качнули», что едва не вытрясли их внутренности.

Вечером ребят позвали в штаб.

Широко улыбаясь, их встретил сам Будённый и каждому в отдельности крепко пожал руку.

— Молодцы, казаки! — и, обращаясь к полковнику, спросил вполголоса: — Чем бы наградить этих орлят?

— А мы награды не требуем, — ответил за всех Овод, вытянув руки по швам, — мы за Советскую власть стараемся, товарищ командующий.

Полковник просиял:

— Бачтэ, яки мои хлопцы?

Похвалив ребят за преданность Советской власти, Будённый многозначительно заметил:

— Но я полагаю, вы не откажетесь получить по маузеру?

— Вот это дело! — воскликнул Следопыт. — Какой же будёновец откажется от порядочного оружия!

Таким образом, давняя мечта юных вояк осуществилась: все трое получили по маузеру. Впрочем, Ю-ю отказался, полагая, что лучше «карабая» оружия не бывает.

Эти события ещё выше подняли авторитет наших героев.

Они стали получать задания всё более важные и ответственные. Однажды будёновцы заметили, что их любимая тройка куда-то скрылась. Проходили дни, а ребята не возвращались. В разведку, что ли, ушли?..

На вопросы любопытных полковник только покачивал головой да хитро ухмылялся:

— Откуда мне знать?

— Куда ж, в самом деле, пропали молодые разведчики?

Над этим вопросом многие ломали головы, но так и не могли разгадать тайну.

ШПИОН

Тёмной ночью по глухим лесным тропам и дорогам двигались чёрные фигуры вооружённых всадников. Лишь изредка фыркали боевые кони, да поскрипывали на ухабах плохо подмазанные тачанки, нагружённые оружием и съестными припасами. Видимо, чего-то опасаясь, люди говорили и даже переругивались вполголоса, сердито шикали друг на друга.

Отряд остановился в глубине леса и быстро раскинулся лагерем на большой круглой поляне, примыкавшей к обрывистому оврагу.

Вокруг, словно на страже, стояли могучие дубы. Посреди поляны возникла холщовая палатка для командира. Всадники спешили и расположились прямо на земле, под кустами и деревьями. Костров не зажигали.

У входа в палатку стояли двое с шашками наголо.

— Слышь, Перепечко, — полушёпотом заговорил один, обращаясь к соседу, — сегодня наш батько зол, як чёрт.

— Будешь зол, коли половина войска зарублена красными, — отозвался Перепечко.

— Балакають, що у нас измена появилась, або шпийн.

— Мабуть, и так. Воны так швидко налетели, шо сам батько еле ноги унис...

— Тс-с-с! Вот он идёт!..

Мимо часовых с толстым портфелем в руке быстрыми сменяющими шажками прошёл маленький человек в чёрной мохнатой папахе, надвинутой на лоб. Вслед за ним, согнувшись вдвое, полез в палатку длинноногий, как аист, бандит с цилиндром на голове.

Войдя в палатку, батька сердито швырнул портфель под ноги часового, стоявшего около чёрного знамени.

— Стеречь, как маму! Иначе — душа вон, и баста!

Часовой ловко подхватил портфель, сунул его в железный сундук и снова вытянулся у знамени с шашкой на плече.

Бандит в измятом цилиндре проворно сел на походный стол и тотчас вынул карандаш и толстую записную книжку:

— Я слушаю, батько, диктуйте...

— Пшёл к чертям! — огрызнулся батька, шагая взад и вперёд по палатке с плетью в руке. — Ты, скотина, мой адъютант и не видишь, что у тебя делается под носом.

— А что у меня там делается, батько? — испуганно спросил «адъютант», — шмыгнув пальцем по верхней губе.

— А то, что в нашем войске засел шпион, сто чертив твоёму батьку!..

— Шпион?! — всполошился адъютант. — Быть того не может! У нас хлопцы все на подбор...

— Цыть, когда я говорю! — прикрикнул Махно, бросая на стол скомканную бумажку. — Накануне разгрома у меня пропала важная депеша, а на её месте я нашёл вот эту чепуху.

Адъютант проворно развернул бумажку и прочитал вполголоса: «Берегись, коварная Лисица! Твой лохматый скальп скоро украсит вигвам Великого Вождя краснокожих воинов. Мы тебе покажем, как сёла жечь, бандитская морда! За красных дьяволят — Следопыт».

— Что за дьявольщина такая! — развёл руками адъютант. — Значит, за нами в самом деле кто-то следит и доносит красным о каждом движении. А ты уверен, батько, вон в том казачке, что охраняет нашу казну? — кивнув в сторону часового, прошептал адъютант на ухо атаману.

— Цыть, Голопуз! — оборвал его Махно. — Этот мальчишка — сын убитого красными старшины и предан нам, как собака...

— Молчу, молчу! — осекся Голопуз, захлопывая рот ладонью. — Я ж только соображаю...

Махно остановился посредине палатки и, по-наполеоновски сложив на груди руки, приказал:

— Пиши, адъютант!

Голопуз поспешно схватил карандаш.

— Слухаю, батько.

— Атаману Черняку от батьки Махно братский привет, — начал диктовать злой атаман, ощупывая свои карманы. — Слухай, Черняк: живо собирай своё войско и ровно к пяти часам утра будь у Чёртова дуба, да хорошенько сховайся. Ударим сразу с двух сторон!..

— Однако где же его донесение? — вдруг оборвал себя Махно, продолжая обшаривать карманы... — Ах, вот оно! Ишь ты, забыл, куда засунул.

Махно выхватил из заднего кармана брюк маленькую бумажку и вдруг побледнел, в ужасе выкатив глаза.

— Эт-то что такое?.. Эт-то ж не то?!

Трясущимися руками он расправил бумажку и вполголоса прочитал: «Сегодня ночью атаман Черняк будет разбит красными. На днях получишь хорошую баню и ты, проклятая Лищица, не будь я Следопыт...»

— Опять он, сатана бесхвостый! — неистово заорал взбешенный бандит. — Шкуру спущу! Засеку насмерть, и баста!

И Махно так хватил плетью по столу, что Голопуз подскочил как ужаленный, выронив из рук карандаш и тетрадку.

— Как попала ко мне в карман эта пакость?! Я вас научу охранять своего атамана! Вон, глиста поганая!..

Голопуз ринулся к выходу. Махно толкнул его ногой в спину и сам выскочил из палатки.

Когда палатка опустела, казачок осторожно шагнул к выходу и, чуть-чуть приподняв уголок полотнища, выглянул наружу. Вокруг было спокойно. Часовые стояли на месте.

Двигаясь, как тень, казачок вернулся к знамени, проворно открыл железный сундук и, вынув портфель Махно, сунул его в свою сумку:

— Теперь пора тикать. Кажется, этот длинный журавль пронюхал, чем я пахну.

Схватив бумажку, казачок быстро набросал записку: «До скорого свидания, грозный атаман. Как ни вертись, а от нас не уйдешь, грабитель. По поручению Следопыта — Овод-Мельниченко».

Заранее радуясь предстоящему бешенству бандита, Овод свернул записку треугольником и положил в железный сундук — пусть повеселится!

Костры давно уже погасли. Часовые сладко дремали. Весь лагерь спал крепким сном.

Бесшумно шагая между спящими бандитами, Овод благополучно пересёк поляну и по узкой тропке направился в глубину леса. Здесь он без труда нашёл тачанку атамана и, смело подойдя к караульному, сказал:

— Слушай, Сероштан, оседлай живее пару лучших коней: батяка требует.

— Чего там седлать, — лениво отозвался казак, — два коня у нас всегда наготове, вон они под дубом стоят.

Бандит хорошо знал махновского казачка и, ничего не подозревая, неторопливо отвязал коней и передал их Оводу.

— Бери и тикай!

Овод мигом вскочил в седло, взял второго коня за повод и шагом поехал в сторону лагеря. Зная пароль, он без особого риска миновал последнюю стражу и исчез в лесной глуши...

Сероштан между тем возвратился к тачанке, раза два зевнул, позавидовал тем, кто спал, и предался воспоминаниям двухнедельной давности, когда в каком-то небольшом городишке местный фотограф, строгий старик с рыжей бородой, запечатлел на карточке его сероштановскую физиономию...

Но как Овод очутился в «казачках» у самого Махно? Вот вопрос. К сожалению, сейчас уже нет времени для ответа. Оводу дорога каждая секунда. Его вот-вот могут хватить и, конечно, пошлют погоню...

ПОГОНЯ

Проехав шагом около полуверсты и выбравшись на знакомую дорогу, Овод пустил коней крупной рысью. Вот уже близко опушка леса, меж деревьев просвечивает небо. Овод натянул поводья и, осмотревшись по сторонам, крикнул, подражая филину.

В ответ из лесной глуши зловеще закаркал ворон. Через минуту у самой морды лошади, словно из земли, вырос Следопыт, а за ним появился и Ю-ю с карабином в руках. При виде Овода он широко и радостно улыбнулся. Лошади в испуге шарахнулись в сторону, едва не сбросив седока.

— Экий ты леший, как кошка ходишь, — рассмеялся Овод, бросая повод второй лошади Следопыту: — Принимай скорее и марш!

— Что, погоня? — хладнокровно спросил Мишка, одним махом вскакивая в седло.

— Погони ещё нет, но она будет. Голубая Лисица в таком бешенстве, что перебьёт всю свою банду, если мы не будем пойманы.

— Тогда летим. Садись за мной, Ю-ю.

— Караша, капитана, — тихо отозвался Ю-ю, вскакивая на крун коня позади Мишки.

— За мной, — скомандовал Мишка, взмахнув плетью.

Горячие кони помчались по дороге, взметая вихри пыли.

Лес вскоре кончился. Впереди извилистой лентой тянулся сердитый Днепр.

Беглецы круто повернули вверх, по течению, к известному им броду. По расчётам Мишки, до него оставалось пять-шесть вёрст, не более. И, если им удастся благополучно перебраться на ту сторону реки, дело будет выиграно, там уже недалеко до военной зоны красных. Быстроногие махновские кони понравились Мишке, и он на скаку крикнул Оводу:

— Если увидишь Голубую Лисицу, передай ей спасибо за хороший подарок!

Овод рассмеялся:

— Я оставил ей благодарственную записку, будет довольна!

Над Днепром поднялась огромная багровая луна.

— Эка вынесло тебя не вовремя, — сердито проворчал Мишка, стегнув коня, — за десять вёрст заметят!

В ушах засвистел ветер, из-под копыт лихих коней посыпались искры. Но вскоре Мишка замедлил бег и стал искать грудку камней, обозначающую брод.

Луна, как назло, спряталась за облако, и густая тьма сразу окутала реку. Не заметив брода, ребята промчались ещё с версту вдоль берега. Но вдруг Мишка так круто осадил лошадь, что она взвилась на дыбы, а Овод оказался на десяток шагов впереди.

— Что случилось? — тревожно спросил он, равняясь с Мишкой.

— Тихо! — Мишка прислушался. — Погоня!

А луна, словно издеваясь над ребятами, во всей красе снова выплыла из-за облака, заливая Днепр и всё вокруг чудесным сиянием.

— Вон брод! — радостно вскрикнул Мишка, показывая на знакомую кучу камней, мимо которой они промчались в темноте. Но позади уже слышался топот многочисленных копыт, а через мгновение ребята увидели бешено мчавшийся отряд бандитов. Скакать дальше вдоль берега не имело смысла: рано или поздно нагонят. Единственный выход — первыми перейти брод и попытаться задержать погоню. Всё это Мишка сообразил в одну секунду и отдал команду:

— Сыпь, до брода!..

Беглецы вихрем промчались навстречу врагам и, круто повернув коней, ринулись в воду.

Заметив ребят, махновцы пронзительно взвизгнули и тоже устремились к броду. Однако беглецы уже были на том берегу. Вылетев из воды на кручу, Мишка отчаянно свистнул и дал шпоры коню:

— Вперёд, будёновцы!

Но в этот момент махновцы с сёдел дали залп по беглецам.

Обе лошади грохнулись на землю, отбросив в сторону своих седоков.

— Вот когда мы влопались! — сердито проворчал Мишка, вскакивая на ноги и хватаясь за маузер.

— Ну, нет, — возразил Овод, — мы ещё посмотрим. Во всяком случае, махновские бумаги мы должны спасти во что бы то ни стало.

Во всём подражая Мишке, Ю-ю спокойно снял с плеч свой «карабай». Он редко принимал участие в обсуждении обстановки, но действовал всегда решительно и мужественно, точно выполняя любое приказание командира.

— Ложись, и за мной! — скомандовал Мишка, придумав какой-то манёвр.

Он прополз шагов пятьдесят вдоль берега и залёг за огромным камнем. Ю-ю и Овод последовали его примеру.

— Так как же быть с бумагами? — спросил Следопыт, лёжа на животе и зорко наблюдая на противником.

Овод снял сумку с плеча и, передавая её Ю-ю, сказал:

— Эту сумку Ю-ю немедленно доставит нашим, а мы задержим бандитов у переправы.

— Да, ты прав, всем спастись не удастся, — тотчас согласился Следопыт. — Но не лучше ли тебе самому пойти с бумагами, а мы с Ю-ю дадим бой...

— Нет-нет! — решительно перебил Овод. — Ведь мы дали клятву не покидать друг друга в беде... А беда уже надвигается, — и он кивнул головой в сторону брода.

Махновцы заметили свалившихся коней, дали по ним ещё три-четыре залпа и смело пустились в реку, идя по два в ряд.

Мишка пожал руку Овода и приказал Ю-ю немедленно отправляться в путь:

— Умри, но сумку доставь нашему полковнику или самому Будённому!

— Слюхай, капитана! — Ю-ю с некоторым колебанием взял таинственную сумку. Он понял, что ему велят оставить своих друзей в самый опасный момент, когда его «карабай» мог бы пригодиться. Но приказ есть приказ. Козырнув командиру и поклонившись Оводу, он молча перебросил сумку через плечо и быстро пополз прочь.

Проводив Ю-ю тёплым взглядом, Овод вздохнул:

— Какой он славный товарищ... Прощай, дорогой!..

— Ну-ну, — нахмурился Следопыт, — рано прощаться. Готовься к бою, видишь — идут!

Первая пара махновцев была уже на середине реки. Мишка насчитал шесть пар «с хвостиком», значит, тринадцать здоровенных бандитов против двух будёновцев.

— Пора начинать музыку, — сказал Мишка, прицеливаясь, — надо снять первую пару: ты правого, я левого... Пли!..

Гулкий залп прокатился над рекой.

Оба махновца свалились в воду. Раздался крик. Бандиты сразу остановились, открыв беглый огонь по мёртвым коням, за которыми, как им казалось, спрятались беглецы.

Манёвр Мишки оказался удачным. В то время как махновцы один за другим падали с сёдел, ребята, невредимые, лежали за камнем.

Потеряв ещё двух убитыми, бандиты в панике повернули обратно.

— Ослы! — заметил Мишка, выпуская им вслед одну пулю за другой. — Им надо было переть напролом, потерь было бы столько же, а нас бы, конечно, пристукнули.

— Не беспокойся, Мишук, мы, кажется, и так не уйдём; гляди-ка, что там творится.

На помощь бандитам примчался ещё один отряд. Он сразу спешился и вместе с остатками первого отряда открыл по невидимым юнцам ожесточённую стрельбу, осыпая градом свинца большой отрезок берега. Пули запели и над камнем, скрывавшим ребят. Они не отвечали.

— Да, пожалуй, ты прав, — признался Мишка, — пешком

нам не уйти: впереди — голая степь, а наши кони на том свете... А тут ещё эта дурища светит во все лопатки!

Он сердито погрозил кулаком в небо, по которому величаво и медленно катилась луна.

Обстрел вскоре прекратился. Бандиты снова сели на коней и редкой цепью двинулись через переправу.

— Теперь они уже перейдут реку, как пить дать, — проговорил Мишка. — Ну, начинай, брат...

И будёновцы опять открыли огонь по бандитам. Однако те не остановились, а только пришпорили коней и вскоре выбрались на берег. Здесь они выхватили шашки и с диким воем устремились к трупам коней. Бандиты надеялись захватить там отчаянных юнцов.

— А ловко мы их надули! — засмеялся Мишка. — Кажется, штук семь отправили раков ловить.

Бандиты покружились вокруг мёртвых коней, а потом рассыпались в разные стороны в поисках притаившихся ребят. Часть ринулась к камню.

Друзья поняли, что смерть или постыдный плен неизбежны. Овод порывисто поцеловал Мишку:

— Прощай, братишка мой, умрём вместе.

— Зачем умирать, мы ещё подерёмся, — ответил Мишка, закладывая последнюю обойму в маузер. — За Советскую власть!.. За Ленина! Пли!

Двое бандитов, близко подскакавших к камню, слетели с сёдел. Испуганные кони шарахнулись прочь, волоча по камням своих хозяев. Беглецы были открыты...

С торжествующим рёвом махновцы, сверкая шашками, всей ордой двинулись на двух подростков. Овод ещё раз обнял своего храброго брата и приставил дуло маузера к сердцу.

— Прощай!..

Всё это произошло так быстро и неожиданно, что Следопыт успел лишь подхватить свою сестру на руки, уронив маузер. Разъяренная банда махновцев обрушилась на безоружных, нанося им удары, кто чем мог...

— Стой, хлопцы! — спохватился командир отряда, вспомнив, что ему приказано доставить беглецов живьём.

С большим трудом ему удалось разогнать взбесившихся головорезов и прорваться к ребятам. Они лежали неподвижно, как мёртвые, залитые кровью, в растерзанных одеждах.

— Собакам собачья и смерть! — злобно проворчал рябой бандит. — Однако кто же из них шпион? Они оба так изучены, что и разобрать трудно.

— Взять обоих! — приказал командир. — Но сначала отберите портфель с бумагами.

Бандиты осмотрели сумку Следопыта, со всех сторон ощупали Овода, но никаких бумаг не нашли.

— Бумаг нет.

— Как, нет? — растерянно пролепетал командир. — Ну, быть беде: батька всем нам шкуру спустит.

Рассыпавшись вдоль берега, махновцы осмотрели седла мертвых коней, каждый кустик, но бумаги исчезли.

Рябой бандит обмыл лица ребят водой и только тогда опознал Овода-Мельниченко. Командир велел везти его с особой осторожностью, на случай, если он окажется жив.

— А что делать с этим щенком? — спросил рябой, свирепо толкнув сапогом безжизненное тело Мишки. — Приколоть, что ли, на всякий случай?

— Взять и его в лагерь, а там разберём.

И отряд махновцев отправился в обратный путь, захватив несчастных пленников.

Рябой грубо бросил Следопыта поперёк седла и медленно двинулся вслед за бандой. Изредка поглядывая на бледное лицо юноши, он злобно ворчал:

— Я тебя довезу, гадюка!

Переехав брод, он незаметно отстал от отряда и, наконец, остановился на крутом обрыве. Слез с лошади и, сбросив беспомощного Мишку на землю, раздел его догола:

— Я тебе покажу, красная собака, как махновцев бить!

С этими словами бандит схватил голого Мишку на руки и, раскачав, бросил с обрыва в кипящие буруны.

— Катись, дьяволёнок!

И, словно желая проверить, куда упало тело, бандит нагнулся над обрывом и глянул вниз...

В то же мгновение какая-то чёрная фигура беззвучно выросла за его спиной. В воздухе сверкнул кинжал, и бандит с криком свалился в Днепр вслед за своей жертвой.

КТО СКОРЕЕ

Оставив своих друзей, Ю-ю торопливо полз к молодому дубку, одиноко стоявшему у просёлочной дороги, в стороне от реки. На его спине болталась сумка с махновскими бумагами. Время от времени Ю-ю останавливался, осторожно приподнимал голову, оглядывался назад. Его мучило сознание, что пришлось покинуть товарищей в такую страшную минуту.

А он так привязался к ним, что ради спасения отважного «капитана» и его сестрёнки готов был положить свою голову.

Да, Ю-ю случайно открыл их тайну и теперь смотрел на Дуняшу с глубочайшим уважением и восторгом. Однако китаиченок ни единым движением не выдавал своих чувств, оставаясь с виду всё таким же невозмутимо спокойным и молчаливым. И вот он вынужден уходить, оставив на растерзание бандитам своих славных соратников.

— Никараша, капитана, никараша, — укоризненно шептал он, покачивая головой. — Зачем такое?.. Ай, никараша...

Добравшись до дубка, он прилёг под ним и стал наблюдать за ходом боя. Он видел, как падали в воду махновцы и в какой панике они бросились обратно, к берегу.

— Маладца, капитана! — одобрил Ю-ю.

Но каков был его ужас, когда второй отряд, не взирая на меткие пули друзей, всё-таки перебрался через реку и всей массой набросился на ребят.

Ю-ю мгновенно вскочил на ноги и хотел уже бежать на помощь друзьям, но сумка с бумагами свалилась с плеча, напомнив о суровом приказе Следопыта — доставить её во что бы то ни стало полковнику.

Ю-ю был в отчаянии. А когда на его глазах началось дикое избиение ребят, он в бессильном гневе разорвал свою гимнастёрку и, потрясая карабином, кричал по адресу махновцев:

— Бандит! Мой карабай на твой башка стреляй будет!..

К счастью, за шумом свалки криков Ю-ю никто не слышал. Вскоре он увидел, как неподвижные тела его товарищей были брошены в сёдла и вся банда отправилась в обратный путь. Ю-ю понял, что его верные друзья и защитники погибли. Сердце бедного юноши сжалось от тоски и горя. Захлёбываясь от рыданий, он упал на траву и долго и горько жаловался кому-то на свою жестокую судьбу:

— Ай, капитана, мой карош капитана! — повторял он, катаясь по земле. — Пропал наш Овод!.. Совсем пропал!.. Зачем остался Ю-ю?..

Ю-ю казалось, что вместе с друзьями погас последний луч, который так тепло согревал его душу. Но вдруг, поражённый какой-то новой мыслью, Ю-ю ударил себя ладонью по лбу:

— Ай, никараша мой башка! — С этими словами он схватил свой карабин и бегом пустился к броду.

Пока командир был жив, Ю-ю считал невозможным нарушить его приказ, но теперь он убит, и ему уже всё равно, дойдёт бумага немедленно или немножко позже... А главное, на-

до узнать о дальнейшей судьбе товарищей, быть может, кто-нибудь жив ещё и тогда...

Рискуя каждую минуту сорваться в бурную пучину или попасться на глаза бандитам, Ю-ю с трудом перебрался через брод и издали последовал за отрядом. Вскоре он заметил, что один из махновцев почему-то задержался у обрыва и слез с коня. Ю-ю тоже остановился, спрятавшись за куст.

Бандит снял с седла безжизненное тело и, положив его на землю, присел на корточки. Ю-ю подполз ближе и осторожно приподнял голову. В предутренних сумерках он смутно видел, как бандит сорвал с человека одежду и, подняв обнажённое тело на руки, подошёл к самому краю обрыва. Вот он качнул его и бросил в Днепр. Ю-ю весь содрогнулся: ему показалось, что в воздухе промелькнула всклокоченная голова Мишки. Выхватив кинжал, Ю-ю одним прыжком очутился за спиной бандита, а через мгновение тот уже летел вслед за своей жертвой, поражённый насмерть. Ю-ю глянул с обрыва. Внизу пенились и ревели волны, разбиваясь об отвесную скалу.

Ю-ю бегом спустился к берегу и, внимательно оглядывая каждый камень, пошёл вдоль излучины вниз по течению. Здесь река, сделав крутой поворот, катилась спокойно. Поиски не дали результатов: на пути встречались только голые камни, окатанные водой. Ю-ю тяжело опустился на землю и, полный отчаяния, уставился неподвижным взглядом в тёмные воды Днепра. Что делать?

Но вдруг ему почудилось, что кто-то тихо стонет вблизи. Он живо вскочил на ноги и осмотрелся по сторонам — никого нет... Через секунду стон повторился, казалось, он шёл из самой глубины реки. По спине суеверного Ю-ю пробежал холодок: уж не утопленник ли подаёт голос?

Преодолевая страх, Ю-ю подошёл к самой воде и за большим серым камнем увидел чье-то голое тело, омываемое волнами. Мокрая голова лежала на мелкой гальке, лицом вверх. До слуха онемевшего на месте Ю-ю донёсся шёпот:

— Овод... где Овод?..

Дрожа от волнения, Ю-ю бросился в воду, схватил Мишку на руки и, выйдя на берег, осторожно уложил его на песок.

— Мой тавалиса... мой капитана, — радостно лопотал он. Мишка постепенно приходил в себя. Наконец он приподнял голову и мутными глазами уставился в лицо Ю-ю:

— Где Овод?.. Где Дуняша? — еле слышно спросил он.

Ю-ю беспомощно развёл руками:

— Моя не знай, капитана, бандит пришёл, бандит взял...

Следопыт долго не мог понять, что с ним случилось, где он находится и почему он голый. Только острая боль в раненой ноге вдруг напомнила ему о расправе бандитов и самоубийстве Овода. Он вспомнил, как нежно обняла его Дуняша, прощаясь перед смертью, как она приставила дуло маузера к своей груди, но дальше всё пропадало в тумане. Какой-то вой, крики, страшный удар в голову...

В первое мгновение ему захотелось плакать от сознания своего бессилия. Но мысль о том, что Овод захвачен в плен и, быть может, ещё жив и ждёт его помощи, заставил Мишку собрать последние силы. С трудом приподнявшись на локте, он стал расспрашивать Ю-ю обо всём, что он видел.

Из короткого рассказа китайца Мишка узнал только, что их долго били, потом бросили на коней и увезли через Днепр, а жив ли Овод — неизвестно...

Глаза Следопыта вспыхнули гневом и жаждой борьбы. Надо не плакать, а действовать! Если Овод не умер, проклятый Махно предаст его таким пыткам, каких не выдержит даже взрослый человек, а ведь она ещё девочка...

При помощи Ю-ю Следопыт поднялся на ноги, осмотрелся и тщательно ощупал свои рёбра и голову — кажется, всё цело.

— Вот идиоты! — заметил он. — Двадцать ослов не могли одного Мишку убить!.. — Обычный юмор возвращался к нему. — Вот только нога что-то того... Далеко не убежишь...

Жестоко помятая и покрытая ранами, правая нога Мишки опухала. Ю-ю тотчас разорвал свою рубашку и ловко перевязал ногу. Но при новой попытке двинуть раненой ногой Следопыт побледнел и свалился на руки Ю-ю. Тот подхватил его и понёс к оставленной бандитом лошади.

Придя в себя и увидев морду коня, Мишка изумился:

— А это что за привидение?

Ю-ю скупо рассказал о стычке.

— Молодец, Ю-ю! — похвалил Следопыт оруженосца.

Ю-ю счастливо улыбнулся и подал Мишке его одежду, сорванную бандитом. Мишка оделся.

Но как быть дальше? Гнаться сейчас за Оводом — дело совершенно безнадёжное, тем более, что каждую минуту бандиты могли хватиться отставшего махновца и начать поиски. Идти пешком не давала больная нога...

Немного подумав, Следопыт решительно скомандовал:

— На коня!

Преодолевая мучительную боль, при помощи Ю-ю Следопыт взобрался на седло. Ю-ю уселся за его спиной.

— Ну, а теперь вперёд! — приказал Мишка. — Загони коня, но доставь меня к нашему полковнику живым или мёртвым. Если буду кричать, не обращай внимания. Только держи крепче и не давай падать.

— Есть, капитана! — Ю-ю понял, что от быстроты бега зависит жизнь несчастной Дуняши, попавшей в руки свирепых бандитов. Он изо всей силы хлестнул и без того горячего коня плетью. Тот бешено рванулся вперёд. Мишка скрипнул зубами от боли. И они лихим карьером понеслись вдоль Днепра к броду.

Луна бледнела. Ночная тьма быстро таяла, отступая в лесную глушь. Далеко за Днепром вихрилась пыль.словно стрела, выпущенная из лука, боевой конь летел навстречу ветру, раздувая ноздри. Лево́й рукой Ю-ю поддерживал Мишку, правой нахлёстывал коня и пронзительно кричал на всю степь:

— Га-га-ааа!..

НЕЧИСТАЯ СИЛА

В то время как наши друзья мчались в лагерь Будённого, батька Махно нервно бежал по поляне. Он был взбешён до последней степени: какой-то молокосос так ловко водил за нос грозного атамана, что его банда дважды подряд оказалась жестоко битой. Это ли не конфуз! На сей раз мнимый сын старшины Мельниченко захватил важную переписку Махно с атаманами других банд и план общего наступления на Екатеринослав. Если беглец не будет пойман и бумаги попадут к красным, провал этой кампании неизбежен.

Махно, как волк в клетке, носился взад и вперёд, до крови кусая губы. Он ждал бумаг. Наконец до его слуха донёсся топот коней.

— Скорей позвать есаула! — нетерпеливо крикнул Махно, хлестнув по цилиндру подвернувшегося адъютанта.

— Я здесь, батько!

И молодой командир отряда вытянулся перед Махно, взяв под козырёк.

— Бумаги! Подай бумаги! — потребовал атаман.

— Бумаг нет, — дрожа всем телом, ответил есаул.

— Что ты сказал? Не-е-ет?! — неистово заревел атаман. — Запорою насмерть! Семь шкур спущу, мерзавец!..

Вспыхнув от гнева и обиды, есаул дерзко ответил:

— Забываешься, батько! Я дворянин и не позволю орать на меня!

— Цыть, мальчишка! Взять его!..

На крик Махно явился мрачный одноглазый бандит с толстой плетью за поясом — палач банды. Он мигом скрутил есаулу руки назад и, как щенка, потащил в лес.

— Высыпать ему сто горячих! — крикнул вслед Махно.

Вскоре из леса послышался свист плетей, яростные проклятия и угрозы есаула.

Один из бандитов принёс на руках окровавленного Овода и бросил его к ногам атамана, как победный трофей.

При виде неподвижного тела мнимого Мельниченко Махно снова вспылil:

— Как, убит? Я ж приказал доставить живьём!

— Хиба ж я знаю? Може, сдох, а може, и живой, — спокойно возразил бандит, — я ж не дохтур...

— Та-а-ак, — зловеще протянул Махно, разглядывая бледное лицо Овода, — если этот змеёныш окажется мертвым, половину вашего отряда вздёрну на деревья.

— Та воны ж настоящие дьяволята, трясця их матэри! — оправдываясь, выругался бандит. — Двое щенят семерых казаков угробили, та трёх поранили.

Этот неожиданный сюрприз заставил Махно подскочить на месте и разразиться такой забористой бранью, что даже у выдавших виды бандитов глаза полезли на лоб.

— А где же второй щенок? — спросил Махно, немного отдышавшись. — Ты говоришь, их было двое.

— Того Сороштан вёз. Гей, Сороштан, тяни к батьке своего шибеника!

На крик никто не отозвался.

Каково же было изумление всей банды, когда стало известно, что и Сороштан и неизвестный соратник Мельниченко бесследно пропали.

— Вот нечистая сила! — в страхе ворчали суеверные махновцы, не зная, чем объяснить таинственное исчезновение. — Мабуть, то переворотень був який, чи шо...

А Махно настолько растерялся, что велел немедленно связать и без того неподвижного Овода и под усиленной охраной отправить на новую стоянку. Хитрый бандит понял, что пропажа бумаг и неизвестного мальчишки может привести к неожиданному нападению, и решил тотчас переменить место.

Вскоре вся шайка мчалась по тайным тропам и дорогам в указанный атаманом район на новые грабежи и насилия над украинскими селянами, на новые диверсии в тылу Красной Армии.

Овод очнулся в какой-то тёмной конуре. Снаружи слышался непонятный рокот. Открыв глаза и озирая мокрые, покрытые плесенью стены, он долго не мог сообразить, что с ним произошло. Но постепенно мысли Овода прояснились. Он понял, что каким-то чудом уцелел в страшной свалке у переправы и теперь, видно, находится в плену у лютого атамана: от него уж не будет пощады. Жалко, не удалось покончить с собой. В горячке боя он даже забыл вложить в револьвер новую обойму и упал не от собственной пули, а от удара бандита. Овода охватила тревога за брата. Где он? Жив ли? Может быть, и он в плену? Тогда их обоих ждёт лютая пытка и смерть на виселице.

Овод содрогнулся. Он хорошо понимал, что ему предстоят такие страшные муки, каких, быть может, не знал и действительный Овод, прекрасный образ которого встал теперь перед ним. Да, он постарается умереть так же мужественно, без слёз и мольбы о пощаде. Ведь он умирает за Советскую власть, за ту власть, которая принесёт свободу и счастье всем беднякам его милой Родины... И Мишке, и славному Ю-ю... Если они ещё живы.

Вдруг огромная лягушка прыгнула на голые ноги Овода. Он испуганно метнулся в сторону и, пронзённый мучительной болью, снова потерял сознание.

Очнувшись, Овод снова не мог понять, что же ещё случилось? Может быть, это сон? А может быть это... свобода? Весь забинтованный и омытый от крови, он лежал на чистой постели в белой уютной комнатке. Как вестник жизни и счастья, светлый луч утреннего солнца падал из маленького оконца на глиняный пол. Ну, конечно, это свобода. Он у своих.

Открылась дверь. В комнату вошла высокая стройная девушка и ласково склонилась над Оводом:

— Не хочешь ли пить, солдатик? — спросила она, подавая кружку с холодной водой.

Дрожащими губами Овод жадно припал к кружке, чувствуя, как вместе с водой в его тело вливаются новые силы.

— Где я? — еле слышно спросил он, словно боясь спугнуть чудесное видение.

— Ты у друга, — так же тихо ответила девушка, глядя на Овода тёплыми карими глазами. — Но дальше не спраши-

вай: я не в силах помочь тебе...

Только теперь Овод услышал уже знакомый ему странный рокот за окном: значит, он находится в том же месте и в тех же руках.

Дверь с шумом распахнулась, и на пороге появился Махно в сопровождении одноглазого бандита. Злой, тусклый глаз палача заставил Овода содрогнуться: он вдруг ясно понял, что его раны перевязаны лишь для того, чтобы вернуть его к жизни на новые муки, а может быть, и на смерть.

— Прошу оставить нас, красавица,—вежливо поклонившись девушке, сказал Махно.

Бросив тоскливый взгляд в сторону Овода, девушка вышла.

Атаман сел на широкую дубовую скамью около Овода и молча оглядел его с головы до пят: так смотрит сытый кот на пойманную мышь.

Сняв с плеча кожаную сумку, одноглазый бросил её в угол и молча встал у двери.

В сумке что-то зазвенело...

— Итак, — зловеще спокойным тоном начал Махно, — с кем я имею удовольствие разговаривать? Надó полагать, не с Мельниченко?

— Нет, я дочь бедняка-крестьянина из села Яблонного, которое сожгла ваша банда, — ответила самоотверженная девушка, решив выдержать испытание до конца.

Махно, словно ужаленный, вскочил на ноги:

— Как?! Ты... ты... девчонка?! И ты осмелилась проникнуть в мой штаб? А знаешь ли ты, что ждёт тебя за шпионаж?

— Пытка и смерть, — спокойно ответила Дуняша.

— Ты не ошиблась, гадюка. У нашего одноглазого дьявола давно уже не было работы.

Дуняша невольно глянула на палача. Отвратительно ухмыляясь, он сидел на корточках и корявыми, как клешни, руками рылся в кожаной сумке. Его сверлящий глаз тускло поблескивал. У Дуняши упало сердце. Но она тотчас взяла себя в руки и отвернулась к стене.

— Ну, так вот что, подлая девчонка, — снова заговорил Махно, хватая Овода за волосы и поворачивая лицом к себе. — Если ты хочешь быть повешенной сразу без особых хлопот, сейчас же сообщи нам, куда делись украденные тобой бумаги и тот мальчишка, который был вместе с тобой.

— Как?! — вскричала девушка. — Следопыт бежал?!

Девушка ликовала: Мишка жив, на свободе!.. Теперь она готова на любые муки... Услышав ненавистное имя Следопыта, Махно понял, что его бандиты упустили самого главного и неуловимого врага шайки. Он задрожал от ярости:

— Отвечай, зверёныш, иначе из твоей спины вырежут кожу для моих сапог!

— Да что ж тут отвечать! — воскликнула девушка. — Ваши бумаги в надёжных руках, а где теперь Следопыт, спроси у ветра в поле...

Лицо Махно позеленело.

— А... ты ещё смеёшься, змея! Эй, кривой чёрт, поучи-ка её, как надо отвечать атаману... Только смотри не зарежь на смерть, а то сам угодишь в Чёрную балку.

— Слухаю, батько. Я буду дёргать по ниточке, так что не умрет даже муха, а толк будет...

Привычным движением палач подхватил Дуняшу на руки и, положив на скамью, захлестнул широкими ремнями. Потом, не торопясь, вынул из роковой сумки острый блестящий клинок странно изогнутой формы.

— От этой штуки и не такие щенки были, — ворчал палач, хватая девушку за кисть руки. Дуняша закрыла глаза...

Махно грузно отошёл к окну и закурил папиросу. Жадно затягиваясь и выпуская изо рта кольца дыма, он следил за каждым движением крабьих рук палача. Тяжкие муки беззащитной жертвы, видимо, доставляли ему наслаждение. Его серое лицо подёргивалось судорогой, на тонких губах застыла кривая усмешка.

Время шло. Пытка продолжалась. Палач глухо ворчал, изрыгая проклятия. Но ни единого звука, ни слова мольбы о

пощаде не услышал Махно от юной героини. Только побелевшее лицо её покрылось холодным потом, да искусанные губы залились кровью...

— Довольно! — прохрипел поражённый стойкостью девушки Махно. — Пшёл вон!

Он боялся, что Дуняша умрёт, не открыв своей тайны.

Ворча, как побитый пёс, одноглазый отошёл.

Дуняша очнулась и, тяжело вздохнув, застонала от невыносимой боли... Махно довольно улыбнулся:

— Ну, что, красный дьяволёнок, будешь отвечать?

— Буду, — еле слышно ответила девушка.

— Вот и добре, — похвалил бандит, присаживаясь поближе к изголовью. — Если ты честно ответишь на мои вопросы и расскажешь, где теперь находится штаб Будённого, ты будешь помилована. Катись ко всем чертям... и баста!

Дуняша с трудом повернула голову, тяжело глянула в испытанное лицо мучителя и твёрдо сказала:

— Убей меня, но своих братьев я не выдам бандиту!

В то же мгновение над головой Дуняши сверкнула шашка взбешённого Махно.

— Стойте! Стойте! — раздался вдруг испуганный крик, и девушка, которая поила Овода, бросилась в ноги Махно. — Пощадите! Пощадите его, милый атаман, — умоляла она, хватая за руки обезумевшего от ярости бандита.

Описав над Дуняшей кривую, шашка медленно опустилась и ткнулась концом в пол.

Мрачное лицо Махно прояснилось. Он торопливо поднял девушку за плечи и, заглянув ей в глаза, сказал:

— Хорошо, моя красавица. Ты дашь мне выкуп, и я помилую эту дерзкую девчонку...

— Что вы сказали? Это — девчонка?! — гневно сверкнув глазами, воскликнула незнакомка. — Неужто грозный атаман воюет с такими младенцами?!

Махно снова потемнел:

— Я уже сказал, что дарую ей милость: она будет просто повешена, как военный шпион... и баста! — Он сделал знак палачу: — На Чёрную балку!

— О, какой же ты зверь! — простонала незнакомка, загораживая Дуняшу. — Нет-нет! Я не дам её!..

— Не плачь, сестра, — с чувством сказала Дуняша, — мне смерть не страшна. Я умираю за святое дело. Прощай!

Странная девушка прильнула губами к тонкой бессильной руке Дуняши; залилась слезами. Палач грубо оттолкнул её, схватил пленницу на руки и понёс из комнаты...

Дверь за ним захлопнулась, как крышка гроба.

В ЧЕРНОЙ БАЛКЕ

Тёплый летний день тихо угасал. Ветерок приносил из степи аромат трав. Невозмутимый покой царил над миром.

Но люди-звери продолжали творить своё злое дело. На дне глубокого тёмного оврага, именуемого Чёрной балкой, под кровавым сучком обожжённого молнией дуба лежал бедный Овод. Из мрачной глубины балки он видел только кусочек угасающего неба, и его душа тоскливо тянулась вверх, в эту синюю даль, полную красоты.

И впервые за всю свою боевую жизнь стойкий и крепкий Овод почувствовал себя маленькой, беззащитной девочкой, попавшей в неумолимое колесо кровавой войны, и вот теперь, сию минуту, она будет безжалостно раздавлена вдали от родных мест, на дне чёрной ямы. А ведь она желала народу добра и счастья. Она мечтала о том, чтобы знамя Советов засияло над миром, возвещая всем угнетённым зарю свободы и братства... Как чудесно заживут бедняки, когда придёт этот желанный час!

И, забыв на мгновение о неотвратимой казни, Дуняша счастливо улыбнулась, опять вспомнила милого своего Мишку и верного друга Ю-ю с его неразлучным «карабаем». Вспомнила и живо представила себе их безутешное горе, когда дойдёт до них весть о её смерти. А что будет с доброй их матерью, которая ждет не дожждётся своих дорогих птенцов?

И тяжкие слёзы сами собой покатались по исхудавшим щекам больной девушки. Ей так страстно хотелось жить.

— Ну, пора, — словно сквозь сон, услышала она пропитый голос, — надо спешить...

И огромная туша склонилась к распростёртой на земле Дуняше. Одноглазый палач продел её голову в верёвочную петлю. Потом она увидела, как конец верёвки перекинули через сук. Отросток дуба был заметно потёрт посередине.

— Знать, не меня одну вешали здесь проклятые бандиты, — гневно подумала она, машинально поправляя петлю, съехавшую на подбородок. И только теперь Дуняша остро почувствовала, что её минуты сочтены, что она никогда больше

не увидит ни знойного летнего солнца, ни голубого неба, ни пёстрых пахучих цветов, ни верных друзей. Её сердце сжалось предсмертной тоской и сознанием полного бессилия.

Никакой надежды на спасение не было. Помощник палача — плюгавый низкорослый бандит — лениво переваливаясь с ноги на ногу, уже подходил к своей жертве... А через минуту мёртвое тело будет одиноко качаться над этой ужасной ямой, слетятся хищные птицы и...

— Кррр! Кррр! — донеслось до её слуха зловещее карканье ворона.

Услышав знакомый сигнал, девушка встрепенулась и, как эхо, отозвалась криком филина. Палач отпрянул.

— Что это? С ума, что ль, она спятила?..

— Мабуть, и так, — спокойно отозвался помощник, поднимая руку, чтобы достать конец веревки.

Дуняша подняла голову и глянула в направлении звука. Но вокруг никого не было, только на противоположной стороне оврага что-то серое шмыгнуло в кустах, слегка шелохнув ветку. «Что ж это? Неужто вороны уже слетаются к оврагу в предчувствии лёгкой добычи?» — тоскливо подумала Дуняша, вновь поднимая глаза к небу, где уже загорались звёзды.

— Прощайте, звёзды! — тихо прошептала Дуняша. — Приласкайте за меня рыжего Мишку, поцелуйте Ю-ю...

— Та ну же, тягни! — сердито крикнул палач. — Какого дьявола канителишься, каракатица!

Помощник лениво подпрыгнул, но конец верёвки повис так высоко, что он коснулся его только концом пальца.

— А, будь ты проклята, змеюка! С этим чертёнком и перед смертью морока...

Он подпрыгнул ещё раз:

— Ну, вот и готово!..

Верёвка стала натягиваться... Дуняша в ужасе закрыла глаза. Крик ворона повторился. Дуняша, собрав все силы, резким движением сбросила с головы петлю.

От неожиданности потянувший за верёвку подручный палача потерял равновесие и свалился.

В то же мгновение в вечернем воздухе прокатился залп из двух карабинов, и оба злодея, пронзенные пулями, завертелись ужами в предсмертной агонии.

Не успела Дуняша прийти в себя, как кто-то уже крепко обнимал её и покрывал лицо поцелуями.

— Дуняша, милая Дуняша!.. Жива!.. Да очнись же, это я, Мишка!..

Девушка обвила руками кудлатую голову брата. Она ещё не верила своим глазам. Но кривой палач лежал неподвижно под дубком. Его подручного Ю-ю проворно сваливал в ту самую яму, которая была приготовлена для Дуняши.

Поняв, наконец, что она спасена от лихой смерти, Дуняша прильнула головой к широкой груди. Следопыта и залилась горячими радостными слезами.

Когда улёгся первый порыв, она позвала к себе верного соратника Ю-ю и крепко расцеловала его, благодаря за спасение и помощь.

Растроганный Ю-ю, не знавший никогда ласки, встал на колени перед лежавшей девушкой и, сложив на груди руки, молча поклонился ей до земли. В эту минуту он готов был ради неё отдать себя на растерзание, пойти на самую лютую казнь. Но бедный язык Ю-ю ничего не мог выразить и только чёрные блестящие глаза его подёрнулись влагой, и какой-то комок подкатил к горлу. Он быстро поднялся и, схватив труп палача за ноги, поволок его к яме...

— Брось эту погань! — сердито буркнул Мишка. — Пусть их вороны хоронят. Нам пора в путь!..

— Да-да! — подхватила Дуняша. — Возьмите меня скорее отсюда, а то бандиты могут хватиться!..

Мишка лукаво улыбнулся и, посмотрев на часы, сказал:

— Не бойся, Овод, через полчаса здесь заварится такая каша, что им будет не до нас.

— Что за каша?

— Да ничего особенного, я привёл с собой десятка три добровольцев, которые согласились потрепать махновскую шайку... А теперь марш-марш в дорогу!

— Но как вы меня возьмёте, ведь я ещё не могу ходить?

— Не беспокойся, это наше дело. Ну, что, Ю-ю, готово?

— Есть, капитана! — отозвался Ю-ю, подавая носилки, сделанные им из ветвей того дуба, на котором махновские бандиты хотели повесить Овода.

Осторожно уложив больную, наши герои медленно пошли по дну оврага, прочь от страшного места. На этот раз ночь им благоприятствовала: небо сердито хмурилось, угрожая дождём.

Овраг кончился. Следопыт, тихонько свистнул. Из-за тёмной купы деревьев появился будёновец с винтовкой в руках:

— Несёте, хлопцы?

— Несём.

— Жив ли?

— Жив.

— Вот будет рад наш Дед! Давай скорее на тачанку.

Красноармеец подошел к носилкам, радостно поздоровался с Оводом и вместе с Ю-ю бережно понёс Дуняшу к тачанке.

— Сено положено? — спросил Следопыт.

— Целый ворох.

— Тогда едем!

Овод и Мишка, у которого ещё побаливала нога, устроились на тачанке, а неутомимый Ю-ю и боец, взяв винтовки на ремень, пошли следом. Проехав верст семь-восемь по глухим местам, они слышали позади себя ружейную трескотню.

— Ну, началась потеха! — радостно потирая руки, воскликнул Мишка. — Дальше мы можем ехать спокойно. Голубая Лисица решит, что она попала в капкан и даст тягу к старому лесу, где им знакома каждая тропинка.

И действительно, вскоре перестрелка стала затихать, удаляясь, а затем и совсем прекратилась.

Дорогой Мишка подробно рассказывал Оводу, как он с помощью Ю-ю вырвался из лап бандитов, как они мчались в полк Деда, как проследили потом шайку Махно и разыскали, наконец, Черную балку...

В свою очередь Овод поделился с братом своими переживаниями, особенно подробно рассказав о странной девушке, осмелившейся заступиться за него перед зверем Махно.

— А где это было? — заинтересовался Следопыт.

— На водяной мельнице. Я узнала об этом, когда палач вынес меня из комнаты.

Следопыт в раздумье почесал затылок:

— Так ты говоришь, девушка назвала себя твоим другом?

— Назвала...

— А Махно обругала зверем?

— Зверем.

— И тот не убил ее?

— Нет, даже назвал ее милой красавицей.

— Гм.. странная штука. Тут что-то есть этакое, — нахмурив лоб, изрек Мишка. — А девка всё-таки молодчага...

Путники незаметно продвигались вперёд и к восходу солнца уже нагнали свой полк.

Трудно себе представить радость и удивление старого полковника и будёновцев, когда они услышали о возвращении уже похороненного всеми Овода. Узнав подробности о пытке и героическом поведении Овода, его пришёл навестить сам Бу-

дённый. А вскоре он послал рапорт высшему командованию с просьбой о награждении орденами наших героев.

На другой день Конная армия Будённого всесокрушающей силой двинулась вперёд, очищая от врагов советскую землю. К великому огорчению Деда, Овод был ещё так слаб, что его пришлось оставить в ближайшем госпитале, а вместе с ним остались, конечно, и его друзья — Следопыт и Ю-ю.

Расставаясь с ребятами, старый полковник обнял и расцеловал каждого по очереди.

— Берегите себя, хлопцы, — наказывал он, моргая покрасневшими глазами, — зря на рожон не лезьте и бейте беляков с умом. Я вас в партизанский отряд сдам. Нас уж вы не догоните...

Любимый будёновский полк ушёл вместе с армией, ушёл и Дед... И опять трое юных бойцов-разведчиков закружились в кипящем котле кровавой войны.

А пока три друга ищут своё место в строю, расскажем читателю, как Овод попал в штаб Махно.

Во время одной из стычек будёновцев с махновскими бандитами Овод заметил на поле боя тяжело раненого деревенского парня: он горько плакал над трупом старого бандита. Парень был без оружия, в крестьянской одежде. На вид он казался не старше Овода. Из допроса в штабе полка выяснилось, что это сын убитого старшины Мельниченко, верного друга и соратника Махно. Он возглавлял одну из его шаек, которая и была уничтожена будёновцами. Уцелел только этот парень. По его словам, отец впервые взял его с собой, с тем, чтобы передать самому Махно в качестве ординарца. По документам и письмам, найденным в кармане старого Мельниченко, рассказ парня подтвердился.

Такой случай Овод решил немедленно использовать и, посоветовавшись с друзьями, составил план действий. Нарядившись в одежду пленного парня, с документами отца явиться к Махно под именем сына убитого старшины, втереться к нему в доверие и остаться при штабе.

Мишка и Ю-ю будут держать связь с полком и доставлять добытые сведения.

С некоторым сомнением и неохотой полковник одобрил план красных дьяволят.

Вскоре наши разведчики проследили банду Махно. Переодетый Овод, «весь в слезах» и проклиная красных, явился к атаману. Он просил принять его в банду, чтобы отомстить будёновцам за смерть отца.

Весть о разгроме шайки Мельниченко разъярила Махно, но просьбу его «сына» он решил удовлетворить, а в знак согласия ожег его плетью и приказал зачислить казачком при своей особе. Скрипнув зубами, Овод стерпел «ласку» бандита и поклялся отплатить ему сторицей. А как он выполнил свою клятву, читатель уже знает.

ТАИНСТВЕННЫЙ АВТОМОБИЛЬ

Через десять дней после описанных событий, глубокой ночью, по дороге из города выехал большой красный автомобиль. Он был изрешечён пулями, осколками снарядов, но летел, как буря, поднимая облака пыли и наполняя безбрежную степь тревожным гулом. Вслед за ним мчался отряд всадников.

В автомобиле сидели трое военных в кожаных куртках. Один из них, отличавшийся низким ростом и широкими плечами, поместился на откидной скамеечке, держа наготове маузер и зорко вглядываясь в темноту ночи. Двое за его спиной тихо переговаривались между собой:

— Признаться, я очень опасаясь засады.

— Да. Я тоже думаю, что надо быть начеку...

— В самом деле: никому не известный бандит вызывает на свидание командира красных партизан, обещая помощь против Махно. Согласитесь, что всё это очень странно и пахнет провокацией.

— На всякий случай за нами следует полуэскадрон надёжных рубак...

— Это, конечно, хорошо. Впрочем, неожиданного нападения я не боюсь: с нами едет такой разведчик, о котором говорят, что он чует махновца за сто вёрст...

Путники смолкли. Вдали показались чёрные контуры леса. Автомобиль спустился в ложбинку.

— Стойте, — сказал низкорослый военный, приподнимаясь с сиденья.

Автомобиль остановился.

— Что случилось, товарищ?

— Надо прощупать овраг перед опушкой. Ждите сигнала: если завоет волк, немедленно мчитесь обратно и верните отряд, а если всё будет благополучно, я дам знать лично...

Говоривший бесшумно выскочил из автомобиля и сразу исчез, словно нырнул в чёрную воду.

— Вот дьяволёнок! — воскликнул один из оставшихся военных. — Пропал, как кузнечик в траве...

— Я даже не успел заметить, в какую сторону этот парень направился...

— Недаром он носит кличку Следопыта...

— Говорят, у него есть сотрудники и такие же ловкие, как он.

— Да. И я очень доволен, что согласился принять их в наш полк. Эти отчаянные ребята так ненавидят Махно, что готовы искать его хоть на дне моря.

Беседа была прервана прибытием конного отряда.

— Приготовьтесь к бою и стойте в этой ложбине, — приказал командир красных партизан, выходя из машины.

Прошло ещё минут сорок в напряжённом ожидании...

— Всё в порядке! — сообщил Следопыт, бесшумно вырастая за спиной командира, вздрогнувшего от неожиданности. — Садись, ребята!

Наши друзья — Овод и Ю-ю — вскочили вслед за Мишкой в машину.

— Вот так штука! — удивился командир. — Да вы же настоящие невидимки!

— Вперёд!

Оставив конных в засаде, автомобиль помчался к опушке леса.

Из оврага навстречу им, держа руку на эфесе шашки, вышел человек в полувоенной одежде.

— Это он, — шепнул Следопыт на уху командиру.

Автомобиль остановился. Нащупав пистолет, командир выскочил из машины и пошёл к человеку.

— Я весь к вашим услугам, командир. Если угодно, я бы мог...

— Вы меня извините, — перебил командир партизан, —

но вашему слову мы не можем довериться без достаточных оснований. Согласитесь сами, что есаулы не так часто изменяют своим атаманам...

— Вы правы, конечно, но, к сожалению, никаких доказательств сейчас я не могу вам представить. Вы можете проверить меня только на деле.

— Каким образом?..

— Я могу хоть сейчас дать вам самые точные сведения о предстоящих операциях шайки Махно, и вы можете разгромить её в любое время. Меня же оставьте в качестве заложника, а в случае предательства расстреляйте, вот и всё...

— Хорошо, — согласился, наконец, осторожный командир. — Вы можете сейчас поехать со мной в город?

— Нет, этого не следует делать. Завтра утром я должен быть у Махно на приёме и освобожусь лишь часам к десяти.

— В таком случае я жду вас завтра к двенадцати часам дня.

Условившись о месте встречи, они быстро разошлись.

Усаживаясь в автомобиль, командир вдруг заметил отсутствие Следопыта:

— А куда делся ваш старший?

— Пошёл проследить есаула, — ответил Овод, вместе с Ю-ю вылезая из машины, — а кстати, проведать что-нибудь о расположении банды.

— Как? Он опять полез в пасть Махно? — удивился командир.

Овод улыбнулся:

— Не беспокойтесь, товарищ командир, Следопыта не так-то легко скушать.

— А вы едете с нами?

— Никак нет. Мы с Ю-ю подождём его здесь, а завтра вечером, когда ваш полк двинется против Махно, мы будем на месте...

— Почему вы думаете, что мы выступим именно завтра? — спросил командир, не зная, чем объяснить уверенность Овода.

— А потому, что завтра шайка попытается разгромить продовольственную базу Красной Армии в Н-ском, и вы делаете большую оплошность, если не предотвратите удара.

— Соображение верное, — согласился командир, — однако зачем нам связываться с этим подозрительным есаулом, если вы сами так хорошо осведомлены о замыслах шайки?

— Он может сообщить ценные подробности, нам ещё не известные. Ну, мы уходим, товарищ командир. До свидания!.. За мной, Ю-ю!

— Есть, товалиса!

Ребята исчезли. В сопровождении конного отряда красный автомобиль помчался обратно. Надо было немедленно готовить генеральный бой с многочисленной бандой Махно.

В партизанский отряд знаменитого командира Николе Цибули ребята попали без особых затруднений. Как только Овод вышел из госпиталя, их приняли с большой охотой, ибо слава о подвигах тройки дьяволят уже вышла за пределы будёновской армии. А рекомендации старого полковника ещё выше подняли авторитет юных разведчиков. Они были счастливы, когда узнали, что полк Цибули получил приказ от высшего командования разгромить шайку Махно. Втайне надеясь поймать самого атамана и свести с ним свои счёты, ребята принимали горячее участие в розысках шайки и подготовке к решающему бою. В ожидании Следопыта Ю-ю и Овод просидели в овраге до самого утра. Их начала уже одолевать тревога. Но карканье ворона, раздавшееся поблизости, возвестило о благополучном возвращении Мишки.

По установившейся традиции ребята ничем не обнаружили своих опасений и любопытства. Усевшись на траве по обеим сторонам Следопыта, они разложили перед ним немудрёную закуску. Покончив с едой, Следопыт рассказал друзьям о результатах своей экспедиции в лагерь Махно. Есаул действительно вернулся в шайку, которая расположилась за лесным массивом, в большом селении. По некоторым признакам и по подслушанным разговорам Следопыт вывел заключение, что в банде назревает раскол. Часть махновских соратников была недовольна чересчур «самодержавным» поведением Махно, который расправлялся с ними, как хотел, по любому поводу, нередко засекая насмерть наиболее строптивых. Недовольны были бандиты и несправедливым распределением награбленного добра. Но наибольшее раздражение вызвали последние неудачи шайки и явная бесплодность всех попыток подорвать Советскую власть на Украине. Часть молодых махновцев поговаривала даже о переходе на сторону красных. Расправа Махно с есаулом подлила масла в огонь.

— Мне кажется, что при первой серьёзной стычке с красными часть банды покинет Махно, — заметил Следопыт. — Особенно, если увидит в наших рядах есаула...

С этими словами разведчик растянулся под деревом, решив передохнуть до восхода солнца.

— А Голубую Лисицу я всё-таки высеку, — пробормотал он, уже засыпая.

Овод прилёг рядом с Мишкой, а Ю-ю, как обычно, поджал под себя ноги и уселся у изголовья своих друзей с «карабаем» наготове. Он ни на минуту не смыкал глаз. Его взгляд подолгу останавливался на спокойном лице Дуняши. Острые глаза Ю-ю теплели, губы расплывались в счастливую улыбку. Он ещё не отдавал себе отчёта в том, как горячо и чисто любит эту девушку. Но, если спросить его, что есть в мире самого дорогого и прекрасного, он назвал бы Дуняшу.

РАЗГРОМ

Под вечер следующего дня конный отряд красных партизан Цибули в полном вооружении, с двумя батареями полевых пушек вышел из города и быстрым маршем направился к местечку вблизи продовольственной базы.

Наши разведчики давно уже были на месте предстоящего сражения и нетерпеливо ждали прибытия полка партизан.

Обычно спокойный и сдержанный, Следопыт на этот раз нервничал. Сегодня он надеялся встретиться с Голубой Лисцей лицом к лицу и рассчитаться с ним за отца и брата, за сожжённую деревню, за грабежи и убийства. Он то и дело осматривал своего боевого коня, проверял маузер и небольшую, но острую, как бритва, шашку. Рядом с ним в полной боевой готовности крепко сидел в седле невозмутимый Ю-ю. Он держал наготове свой «карабай». Овода Мишка отослал в санитарный отряд полка.

Наконец долгожданный час настал. В сумерки партизаны прибыли на место и расположились вдоль опушки леса.

В эту ночь Махно решил неожиданным наскоком ударить на Н-скую базу, разгромить её и взорвать ближайший мост через реку. Это нарушило бы связь тыла с действующими против Врангеля частями Красной Армии. Он хорошо знал, что крупных воинских соединений поблизости не было и, следовательно, подмоги база вовремя не получит. Хитрый бандит действовал наверняка, заранее торжествуя победу.

Предупредив базу о грозящей опасности, командир партизан Цибуля решил укрыть свой отряд в ближайшем перелеске и в конном строю ударить в тыл махновцам.

После полуночи взволнованный Следопыт донёс Цибуле, что банда Махно численностью примерно в восемьсот сабель выступала из дубовой рощи. Она шла налегке, без пулеметов и пушек, не ожидая большого сопротивления.

Цибуля задумался:

— Так, та-аак... У них восемьсот, у нас триста, да пулеметы, да пушечки, да удар в затылок... Как думаешь, Иван, побьём врага?

— Побьём так, что пух и перья полетят!..

Следопыт оглянулся на знакомый голос и обмер на месте:

— Батька!

Иван рванулся к Следопыту, едва не опрокинув командира:

— Мишка! Сынок!..

И помощник командира, не сходя с седла, обнял знаменитого разведчика — Следопыта. Но радоваться свиданию было некогда.

— По ко-ооня-аам! — разнеслась команда.

Через минуту весь отряд стоял в напряжённом ожидании, готовый по первому сигналу двинуться на врага.

Мимо опушки промчалась батарея, потом всё стихло, словно вокруг было мёртвое поле. Отец и сын встали рядом.

— Ты, сынок, держись за мной с левой руки и не отставай, — предупредил Иван, в глубине души боявшийся за жизнь Мишки. Он понимал, что бой предстоит нешуточный.

Мишка задорно тряхнул головой:

— Не бойсь, батька, мы тоже не лыком шиты!.. А ты, друг Ю-ю, держись слева от меня да гляди, чтобы я тебя не зашиб ненароком...

— Слюхай, капитана! — живо отозвался Ю-ю, тотчас выполняя приказание Следопыта.

Тяжёлый гул сотен лошадиных копыт и звериный рёв бандитов разорвали тишину. Выскочив из леса, шайка ураганом неслась по широкому полю прямо на базу. Махновцы были уверены, что захваченная врасплох охрана базы будет смята одним ударом, а там — разгром и богатая пожива...

Но вскоре сгоравшие от нетерпения партизаны слышали дружный залп из винтовок, треск пулемётов и беглый огонь орудий, бивших навстречу банде прямой наводкой.

Встречный огневой удар оказался таким сокрушительным, что первые ряды нападающих — и кони, и всадники — пали, как сражённые молнией, загородив путь задним. Грозный вой махновцев перешёл в неистовые вопли, в стоны и проклятия.

Нетерпение Мишки и всех партизан, притаившихся в засаде, достигло высшего напряжения.

Вдруг над лесом с треском разорвалась красная ракета. Канонада сразу смолкла, будто кто-то незримый одним махом заткнул огненные глотки пушек, пулемётов и ружей.

— Карьером, марш, ма-а-арш! — скомандовал Цибуля, подняв шашку над головой...

И во фланг отступающей орде махновцев, уже расстроенной метким огнём, ринулись партизаны. Их удар был так внезапен и страшен, что шайка Махно мгновенно оказалась смятой и, завывая от ужаса, бросилась врассыпную.

В предрассветном сумраке, словно зарницы, сверкали сотни сабель, сыпались удары, падали сражённые люди, дико ржали, вздымаясь на дыбы, кони, трещали выстрелы.

Впереди всех, рассыпая удары направо и налево, мчались трое — отец с сыном и Ю-ю. Они искали Махно.

В горячке боя Ю-ю в первые же минуты оторвался от своего «капитана» и дрался в одиночку, действуя своим «карабаем», как палицей.

— Вот он! — крикнул вдруг Иван и, прищипорив коня, помчался наперерез большой группе, скакавшей к лесу.

Мишка взвизгнул и врезался в самую гущу бандитов, сшибая их грудью своего скакуна. Кольцо бандитов дрогнуло, на мгновение расступилось и пропустило Ивана и Мишку.

— Вот где ты, собака! — крикнул Иван, взмахнув шашкой над головой скакавшего Махно. Но в то же мгновение сбоку налетел всадник, и рука Ивана вместе с шашкой покатилась по земле. Махно в страхе пригнулся и ещё сильнее прищипорил коня. Выстрелом Следопыт снял бандита, изуродовавшего отца, и возобновил погоню за атаманом, но подходящий момент был уже упущен: бандиты окружили Махно и плотной толпой неслись к лесу.

Увлечённый погоней, Мишка не заметил, что он один считает за добрым десятком махновцев, размахивая своей маленькой шашкой.

Это вскоре заметили бандиты. Внезапно повернув коней, они окружили Следопыта, и прежде чем Мишка успел сообщить, что случилось, его шашка со звоном отлетела прочь.

— Взять живьём! — раздался чей-то властный голос.

Стиснутый с обеих сторон конями и обезоруженный, Мишка помимо воли мчался вперёд, «Вот так штука! — думал он. — Хотел поймать Лисицу, и сам попал ей в зубы».

Увлекая за собой Мишку, банда скрылась в глубине леса.

В селе Яблонном сегодня было необычайно шумно и весело. Десятки пьяных с бутылками самогона в руках шатались по улицам, горланя песни. В кулацких хатах шёл пир горой, тут и там закипали ругань и драки. Что за диво? Никакого праздника, даже самого маленького, в этот день не было, а кутили так, словно праздновали «Николу зимнего». Странно было и то, что ворота бедняцких хат были закрыты, а их хозяева старались не попадаться на глаза гулякам.

Но самый богатый пир был у первого кулака на селе Митро Забубенко, куда собралась вся местная знать: бывший урядник Нечипорук, церковный староста, трое самых богатых кулаков, старый мельник и поп Павсикакий. А вперемишку с ними на скамьях и в креслах сидели пёстро одетые гости. Хозяева усердно накачивали их самогоном.

В центре всеобщего внимания был щуплый мужичонка с хмурым, отёкшим от пьянки лицом и острым взглядом маленьких чёрных глаз. Развалившись в переднем углу, он задрал ноги на край дубового стола и пил водку стакан за стаканом, как воду. Хмель, видимо, его не брал. Через головы собутыльников он смотрел в потолок и зло ворчал:

— Будь я проклят, если когда-нибудь попадался так глупо в ловушку!.. Это опять его проделка!.. Семь шкур спущу!

Он хлестнул плёткой по столу, разрезав пополам жирную кулебяку и опрокинув графин с самогоном.

Рядом с переодетым Махно (а вы уже, конечно, догадались, что это был он) сидел на конце скамейки старый мельник. Он с хитрецей поглядывал на соседа и шептал ему:

— Да что вы сердитесь, атаман. Вы ещё не раз порубаете красных... А теперь бы отдохнуть малость, к нам на мельницу заглянуть.

Махно встрепенулся:

— А что? Ждёт Катюха?

— Да боже мой! Ночи не спит.

— А ты не брешешь, старый пёс? Коли правда, озолочу!.. Если соврал, попробуешь, чем это пахнет. — Махно сунул плеть под самый нос мельнику. Тот в испуге отшатнулся.

Махно развеселился и заверещал на всю хату:

— Гей, Голопуз, где тот щенок, что скакал за нами?

— Вин туточки, батко! — отозвался Голопуз, с трудом поднимаясь из-за стола. — В чулане лежит до твоего приказу...

— Тащи его сюда, каналью!

— Слухаю, батько!

В глазах Махно забегали злые огоньки.

— Посмотрим, что он запоёт здесь...

Гости расступились. Связанного Следопыта вывели на середину хаты и поставили перед атаманом.

Прекратив пирушку, все с интересом, оглядывали его с головы до пят, как заморскую диковинку.

— Эй ты, сопляк, — начал атаман, не меняя позы, — кой чёрт тебя гнал за нами? На виселицу захотел?..

— Если я сопляк, то ты свинья, которую посадили за стол, а она и ноги на стол, — спокойно отрезал Мишка.

— Цыть, кутёнок! Я — Махно! — гаркнул бандит, думая запугать пленника.

Мишка, только теперь узнавший Махно, побелел от гнева:

— Благодарю бога, что мои руки связаны, а то бы я показал тебе, как сёла жечь, бандитская харя!

Зная бешеный нрав Махно, гости ждали расправы.

Но пьяный бандит неожиданно расхохотался:

— Вот так гусь! А ну-ка, развяжите ему руки...

Удивлённого Мишку мигом освободили от верёвок. Он не торопясь стал растирать затекшие руки и только теперь заметил, что окружавшие его «мужики» были вооружены револьверами, шашками, кинжалами. «Переодетая банда», — сообразил Следопыт.

— Ну, что ж ты не казнишь Махно? — усмехаясь, спросил бандит, кладя руку на эфес шашки. — Трусись, каналья?

Мишка вспыхнул:

— Ты сам трус и разбойник, по которому давно виселица плачет!

Махно выхватил пистолет и, выстрелив через голову Мишки, зло усмехнулся:

— Вот я понимаю, сам стоит под виселицей и нам же угрожает. Что с ним делать, хлопцы?..

— Повесить на первом суку, — отозвался чей-то голос.

— Зачем вешать, — возразил другой, — парубок дюжий, не робкого десятка. Нехай переходит к нам.

— Эй, малец, — крикнул третий бандит, — иди на службу к батьке Махно. Удалым ребятам у нас хорошо живётся.

Мишка гордо выпрямился и ударил себя кулаком в грудь:

— Я будёновец и грабить с вами народ не желаю. А Махно я выпорю при первом удобном случае...

От такой дерзости даже издававший виды Махно на минуту опешил. А потом заорал:

— А ну, Битюк, всыпь ему полсотни горячих и повесь за ногу на ворота!.. И баста! Пусть знает, как разговаривать с атаманом.

Мишка побелел от ярости и очертя голову бросился на Махно, пытаясь схватить его за горло.

— Стой, тигра лютая!.. — Бандит, названный Битюком, схватил Мишку за ворот и потащил к порогу.

— Вот змеинное отродье, — сердито проворчал Махно, — увеличить ему порцию вдвое!

— Слухаю, батько!

— Ну, берегись мохнатый чёрт! — уже стоя на пороге, кричал Мишка. — Я тебя ещё найду!

Битюк толкнул его в спину:

— Катись, шибеник!

Но Мишка дал ему такую «сдачу» кулаком в бок, что казак охнул, согнувшись пополам... Махно опять расхохотался:

— А лихо дерётся петушок! Он, пожалуй, побьёт твоего дурня, Битюк?...

— Ни, не побьёт, — ответил казак, с трудом разгибаясь и снова хватая Мишку. — Я ему сейчас шкуру сдеру.

— Стой! Шкуру потом, — приказал пьяный Махно, — зови сюда своё отродье!..

Битюк сердито толкнул Мишку обратно к столу, а сам выскочил из хаты.

Предвкушая какую-то весёлую забаву, бандиты освободили место посредине хаты и взяли Мишку в кольцо.

— Поглядим, каков ты есть в кулаке!..

— Где ему, Битюк в бараний рог его скрутит!

— А може, и нет...

Мишка настороженно озирался. У ближайшего бандита за поясом он заметил пистолет и решил при случае воспользоваться им. Нет, теперь уж он живым в руки не дастся!

— А ну, дай дорогу! — раздался окрик с порога.

Бандиты расступились, и перед Мишкой очутился здоровенный верзила лет восемнадцати. На голове копна растрёпанных волос, нос картошкой. Он встал посредине хаты, неуклюже переминаясь с ноги на ногу. Атаман, видимо, решил повеселиться и потешить свою побитую банду.

— Ша, хлопцы! — он ещё раз хлестнул по столу плетью. Все притихли. Махно обратился к верзиле:

— Видишь этого чижика, Битюк?

— Бачу, — ответил парень, поворачиваясь к Мишке.

— А побить его можешь?

— Кого?.. Цего?..

— Ну да, на кулаки взять!

— А на шо? — удивился верзила. — Вин же воробушек. Банда разразилась хохотом.

Мишка вспыхнул от обиды:

— Но-но, ворона, не очень задирай! В другом месте я б тебе показал «воробушка»...

— Так бей его, Битюк! — взвизгнул Махно. — Это ж будёновец!

Бандиты дружно заулюлюкали:

— Дай ему трёпку!

— Ату его!

— Ну што ж, могу, — согласился молодой Битюк, не торопясь снимая куртку и засучивая рукава рубахи.

Мишка заложил руки за спину:

— А я не желаю! Что я вам — цирк?..

Махно вскочил:

— Дерись, зверёныш! Если ты побьёшь Битюка, катись на все четыре стороны!.. И баста!

— А ты не брешешь? — усомнился Мишка.

— Что-оо? — взбеленился Махно. — Слово атамана свято, как у господ бога. Начинай, Битюк!..

— Ладно, коли так, — отозвался Мишка, вставая в боевую позицию, — только как будем драться — по правилам бокса или куда попало?..

— Бокса? — верзила вытаращил глаза. — Яка бокса? Та я ж тебя и без боксы пришибу, як червя. — Он сделал шаг вперёд.

— А ну, давай, давай, верблюд! — подзадоривал Мишка, спокойно стоя на месте. — Попробуй пришибить будёновца!

— Бей его, Битюк! — завывали бандиты, плотной стеной окружая бойцов — Цель в ухо!..

Битюк сжал свой огромный кулачище и размахнулся изо всей силы... Мишка мгновенно пригнулся. Кулак просвистел в воздухе, верзила пошатнулся и, получив крепкий удар в челюсть, отлетел в сторону.

— Получай задаток, кабан! — крикнул Мишка.

Бандиты ахнули:

— Вот так звезданул петушок!

— Давай, давай, Битюк!

— Катай его!

Разъярённый Битюк в бешенстве бросился на Мишку, на-

нося беспорядочные удары куда попало. Ловко отражая нападение, Мишка с поразительной быстротой бил противника по рукам, заставляя его плясать вокруг себя. Махно и бандиты хохотали от удовольствия, свистом и криками подбадривая Битюка. Но тот, уже избитый в кровь, вторично отскочил от Мишки, задыхаясь от бессильной ярости.

— Ну, я ж тебя убью, собака! — прохрипел Битюк и, наклонив мохнатую голову, быком ринулся на Мишку, направляя удар в живот.

Но Мишка, как кошка, отпрыгнул в сторону и с такой силой трахнул Битюка кулаком по затылку, что тот всей тушей грохнулся на пол и забороздил носом. Бандиты взвыли.

Не дав противнику опомниться, Мишка вскочил ему на спину и придавил коленом шею:

— Ну что, верблюд, сдаёшься, или ещё наддать?..

— Та вже ж, щоб твои очи повилазили! — прохрипел Битюк.

— То-то же, вперед буденовцев не трогай!

И, толкнув Битюка ногой в зад, Мишка направился к выходу.

— До скорого свидания, разбойники!

Но Битюк-отец загородил ему дорогу:

— Куда прёшь?..

— Как, куда? Ваш батька обещал мне свободу, если я побью твоего дурня.

На лице Махно появилась злорадная усмешка:

— Верно, Битюк, дай ему сотню хороших плетей, и пусть уходит, если сможет... И баста!

Смертельно оскорблённый, Мишка бросился на казака с пистолетом и попытался выхватить у него оружие. Но Битюк-отец успел перехватить Следопыта и поволок его во двор. Здесь Мишка увидел картину, достойную времён Тараса Бульбы.

Посередине двора красовалась поставленная «на попа» бочка с выбитым дном. Вдребезги пьяные бандиты, кто чем мог, черпали из неё самогон и, запрокинув головы, пили, пока не валились с ног. Трое уже спали, развалившись посередине двора. Один отчаянно отплясывал гопака под губную гармошку. Другие во всю силу легких горланили песни.

В конце двора стоял большой сарай, около которого весело фыркали две верховые лошади гнедой масти и одна чёрная, как вороново крыло. Прислонившись спиной к запертой двери сарая, тяжело дремал сторож, вероятно, тоже пьяный. Сюда-то и привел Битюк Следопыта.

— Эй, Петро, отчини дверь, — потребовал Битюк.

Сторож недовольно пробурчал что-то себе под нос, с трудом нашел карман и, вынув ключ, начал возиться у замка.

— Вот проклята дирка! — ругался сторож, тыкая ключом мимо замка. — Засорилась, чи що?

Пока пьяный сторож возился с замком, Мишка огляделся и заметил, что в десятке шагов от сарая в высоком заборе не хватает одной доски. Сторож продолжал канителиться с замком, ругая на чем свет стоит неуловимую «дирку».

Битюк, крепко державший за руку Мишку, разозлился:

— Да ну, пьяная морда, дай сюда ключ!

Оттолкнув плечом сторожа, Битюк схватил правой рукой ключ, тем самым освободив одну руку Мишки. А через мгновение он уже опрокинулся на спину, получив страшный удар.

Одним прыжком Мишка очутился около вороной лошади, которую давно уже держал на примете. Вскочить в седло и дать шпоры коню для него было делом одной секунды. И прежде чем Битюк очухался и поднял крик, он уже мчался к забору, боясь только как бы конь не задел ногами за доску. Но лошадь, словно птица, распласталась в воздухе и, чуть коснувшись земли, понеслась дальше.

Повернувшись на лету, Мишка крикнул бандитам:

— Гей, вороны, вспоминайте Следопыта!

Вслед беглецу раздались беспорядочные выстрелы и отчаянные вопли Битюка. Но пули свистели мимо.

Когда Махно узнал, что в его руках был знаменитый Следопыт, удравший на его собственном скакуне, бандит пришел в неопишемую ярость. Он тут же, на глазах пьяной толпы, пристрелил сторожа, приказал запороть насмерть злосчастного Битюка, а в заключение так стукнул по шее попавшего под руку попа, что Павсикакий отлетел на целую сажень, с треском ударившись в забор.

О погоне не могло быть и речи: все знали, что коней, равных по силе бега махновскому, не найти по всей Украине.

ГДЕ СЛЕДОПЫТ?

Ю-ю и Овод не знали, чем объяснить исчезновение Следопыта. Вместе с сестрами и санитарями они обошли поле брани, осмотрели всех убитых и раненых, но Следопыта не нашли. Куда он мог деваться?

Продолжая поиски, наши герои отошли далеко от центра боя и почти у самого леса увидели кучу человеческих тел и

двух мёртвых коней. Какой богатырь бился здесь, окруженный врагами?! Еле уловимый стон донесся до их слуха. Они бросились на голос: не Мишка ли?

В центре кучи, придавленный мертвым конем, лежал партизан могучего сложения, с красной лентой на шапке. Он был весь залит кровью, только смертельно бледное бородатое лицо его казалось чистым, словно умытым. В левой руке он держал длинную, почерневшую от крови шапку, а правая была отрублена по самое плечо. Вокруг партизана валялись трупы бандитов, рассеченные богатырской рукой.

Овод кинулся к партизану и встал на колени. Секунду смотрели они друг на друга, не узнавая...

— Дуняша? — прошептал вдруг партизан. — Ты?

Дуняша вскрикнула:

— Отец! Что они с тобой сделали!

Иван тяжело вздохнул:

— Ничего, дочка, я тоже порубал их довольно... — Прощай, моя голубушка... Умираю... за власть нашу...

— Нет, нет, папаян, ты не умрешь! — воскликнула Дуняша, выхватывая из сумки бинты. — Я перевяжу тебя...

— Поздно, — еле слышно прошептал Иван, закрывая глаза. — Обними за меня мать и Мишку... Бейтесь и вы за лучшую долю... за Советы...

Дуняша осиротела. С воинскими почестями похоронили Ивана Недолю в братской могиле, на зеленом холме.

А Следопыта все не было... Получив отпуск из отряда и запасшись провизией, Ю-ю и Овод отправились на поиски своего вожака. Но где его искать?

По словам Ю-ю, Мишка умчался вслед за Махно, к опушке леса, а что было дальше, он не видел. Овод решил направиться в лес, хотя надежда на встречу была очень слабой. Он знал, что лес этот тянется далеко на восток, что именно в его темных дебрях бродили когда-то махновцы и что на его северной окраине раскинулось родное село Яблонное.

Взяв направление на север, ребята углубились в лес. Сначала они шли по следам банды, бежавшей с поля боя. След был хорошо виден: взбитая копытами коней земля, поломанные сучья и ветки деревьев, клочья разорванной одежды. Но вскоре следы разделились и пошли в разные стороны.

Куда ж направиться?..

Был уже поздний вечер, когда ребята вышли на широкую поляну. Здесь Овод решил устроить привал до утра.

Расположившись под кустом, разведчики вытащили из су-

мок еду, но есть не могли. Потеря отца и брата тяжело поразила Овода, а Ю-ю страдал за пропавшего «капитана» и глубоко сочувствовал горю Дуняши. Все же он не терял бдительности и, зорко озираясь по сторонам, держал карабин наготове. Вдруг из глубины леса, с противоположного края поляны, вылетел растрепанный всадник, без фуражки, в порванной куртке, с окровавленным лицом. Он мчался прямо на ребят.

Ю-ю мгновенно вскинул к плечу карабин.

— Стой, стреляй. будет!..

— Стой! — повторил и Овод, поднимая маузер.

Всадник с такой силой осадил над кустом вороного коня, что тот взвился на дыбы. А через секунду незнакомец уже был на земле и с криком: «Здорово, орлы!» — кинулся в объятия Ю-ю и Овода. Это был Мишка.

— Ты весь в крови, брат Следопыт, — встревожился Овод. — Что случилось?

— Чепуха! Лицо поцарапал, когда скакал лесом. Эх, и конь лихой! Как ветер несется!

Печальная весть о гибели отца поразила Мишку в самое сердце. Но он не заплакал, нет. Он крепко обнял своих друзей и, как бы давая клятву, произнёс:

— Жив не буду, а бандита поймаю!

ОХОТА ЗА ГОЛУБОЙ ЛИСИЦЕЙ

День был ясный, голубой. Солнце ласково припекало, но в воздухе веяло прохладой. В селе Яблонном было тихо и спокойно: от вчерашней гульбы не осталось и следа. Крестьяне были заняты своим делом. Только два плохо одетых мужичка бесцельно бродили по улицам, мимоходом заглядывали во дворы, болтали с прохожими. Если бы кто-нибудь следил за ними, он бы заметил, что странные мужички с особой осторожностью и любопытством обошли вокруг дома, где прошлой ночью кутил Махно, потом осмотрели двор попа Павсикакия и, видимо, чем-то раздосадованные, медленно пошли в конец села. Здесь они наткнулись на сожженную хату.

Мужички остановились, сняв шапки.

— Вот наша хата, — сказал один, тяжело вздохнув.

— Ничего, — ответил другой, — когда прикончим белых, построим новую. А подлую Лисицу мы все-таки найдём, не будь я Следопыт...

Да, это были наши герои. Оставив Ю-ю с вороным конём в гуще леса, они решили побывать в своем селе. Следопыт наде-

ялся застать всю банду на месте, но Махно и след простыл. Из разговоров с крестьянами ничего определённого выяснить тоже не удалось. Одни говорили, что «батько» ушёл вербовать новое «войско» на Гуляй-Поле, другие уверяли, что он махнул «под Херсон», третьи полагали, что Махно заболел и скрывается «у своих», а большинство отнекивалось:

— А на черта вин мини здався!

Словом, след Махно затерялся.

— Настоящая Лисица!.. — ворчал Мишка. — А всё-таки мы его найдём!

До вечера они обошли ещё одну соседнюю деревню, но и там не нашли конца ниточки, по которой можно было бы добраться до Махно. Волей-неволей к ночи им пришлось вернуться в лес, к Ю-ю. Мишка был раздосадован неудачей, но поиски решил продолжать.

— А не сходить ли нам к Черной балке, где банда стояла лагерем? — предложил он. — Ведь Махно ушел не один...

— Нет, нет! — запротестовал Овод, содрогнувшись от ужаса. — Подальше от этих проклятых мест!

— Тиха, капитана! — прошептал вдруг Ю-ю, поднимая руку. — Там буль-буль есть... Зачем такое?..

Он указал в глубину леса. Все замолкли, напряженно прислушиваясь.

— Верно, — сказал Следопыт, — там что-то курлыкает, вроде как тетерев бурчит...

Овод усомнился:

— Нет, не похоже... Может, ветер шумит?

— Какой там ветер, — отмахнулся Мишка, — сейчас такая тишь, ни один лист не шелохнется. Во всяком случае, проверим. У меня здесь что-то наклеывается, — он окрутил пальцем вокруг лба. — За мной, ребята!

Мишка смело пошёл вперёд, за ним направился Овод, а Ю-ю, как всегда, замыкал шествие, ведя коня под уздцы. Местность постепенно понижалась, лес становился гуще, дохнуло холодком и сыростью. Вскоре Мишка остановился и, подождав своих соратников, сердито фыркнул:

— Ерунда! Зря мы сюда свернули — это речонка урчит.

— Речонка?..

Овод прислушался и вдруг схватил за руку Следопыта:

— Ой, ребята, да ведь это же мельница шумит!

— Водяная мельница? — живо отозвался Следопыт. — Уж не та ли, в которой тебя мучили? Овод побледнел:

— Может, и та...

Следопыт хлопнул себя по лбу:

— Ну и дурак я!

— Почему? — удивился встревоженный Овод.

— Ведь эту девушку Махно называл милой красавицей?

— Называл. Ну так что?..

— И он по её просьбе не отрубил тебе голову?

— Не отрубил.

— И сам поднял девушку с колен?

— Сам...

— Да что ж ты предлагаешь?

— Я-то? — Мишка в затруднении почесал затылок. — Пошли дальше! Только тихо. А ты, Ю-ю, немножко отстань и веди коня... Да накрой ему морду курткой, чтобы не фыркал!..

— Есть, капитана! — охотно отозвался Ю-ю.

— Ты куда это? — шепотом спросил Овод.

— На мельницу...

— Зачем?

— Авось что-нибудь выйдет... Ты говоришь, девушка назвалась твоим другом?

— Да. Она так меня называла.

— Замечательно... Пошли, пока не стемнело.

Следопыт пригнулся, раздвинул ветки кустарника и бесшумно нырнул в чащу. Овод и Ю-ю последовали за ним.

Прислушиваясь к шуму воды, они шли довольно долго вдоль какой-то низины, заросшей дубовым кустарником и ивняком. Потом спустились в извилистый овражек, по дну которого бежал ручей. Вначале им казалось, что мельница должна быть где-то совсем близко, но рокот воды то резко усиливался, то неожиданно затихал и нарастал снова.

Мишка начинал сердиться. С каждой минутой ускорял шаг. Овод едва поспевал за ним, но даже и не подумал просить передышку. Он ни в чём не хотел отставать от брата. Что же касается Ю-ю, то о нём можно было не беспокоиться. Он мог с одинаковой скоростью шагать хоть целые сутки без передышки и никогда не терял спокойствия и выдержки.

— Тсс! Кажется, совсем близко, — прошептал Следопыт.

Гул водяной мельницы доносился совершенно отчётливо.

— Ждите меня здесь, а я пойду посмотрю, что там делается, — сказал Следопыт и исчез во тьме.

Мишка шёл по узкой тропе, она вскоре вывела его из леса. Перед ним лежала обширная поляна, на склоне которой прилепилась маленькая деревушка.

Взяв маузер на изготовку, Следопыт направился в деревню. Но его предосторожность оказалась напрасной: деревня точно вымерла. Нигде ни единой души, ни одного огонька в хатах, ни одной собаки во дворах — ничего живого. Только ветерок печально посвистывал в разбитых окнах. Насторожённо прислушиваясь и заглядывая во все дворы, Мишка беспрятственно прошёл деревню. Где-то пропел петух...

— Странно, — подумал Мишка, — людей нет, а петух остался.

За околицей он остановился. Вдали блеснул огонёк.

— Ага, кто-то есть!..

Следопыт смело направился на огонёк, который манил его в темную низину, где урчала речонка. Идти пришлось недолго. Внизу, у самой кромки берега, поросшего густым кустарником, показалось какое-то неуклюжее чёрное здание.

— Мельница! — обрадовался Следопыт.

Подойдя ближе, он заметил небольшое оконце, закрытое толстой ставней. Из щели струилась жёлтая полоска света. Следопыт ползком направился к окну. Миновав небольшую открытую площадку, он тихо поднялся на ноги и заглянул в щель. Странное зрелище поразило Мишку: на широкой скамье понуро сидела молодая девушка. Бледное худое лицо её скупое освещал огонёк лампочки, подчёркивая бездонную глубину карих глаз и густые соболиные брови.

— Она! — прошептал Мишка, дрогнув от радости.

Девушка сидела неподвижно, в глубокой задумчивости.

Мишка невольно залюбовался ею и позабыл, зачем он сюда явился. На длинных ресницах девушки блеснула слезинка и медленно скатилась на руку.

О чём она плакала? Тоска ли одиночества грызла сердце, погиб где-нибудь её милый, или кулак-отец измывается над нею?.. Мишка хотел было отойти от окна, но тут скрипнула дверь, и вошёл старик, запорошенный мучной пылью.

Девушка вздрогнула и подняла голову.

— Всё хныкаешь? — сказал старик, останавливаясь перед нею. — Или не нравится добрый молодец?

— Оставь меня, отец! — резко ответила девушка. — Ты хочешь погубить меня.

Мельник захихикал:

— Кого ж тебе ещё нужно? Может, принца ждёшь или графа? Сюда и ворон-то редко залетает...

— Никого мне не нужно... Но идти на поругание этому зверю не хочу! Девушка закрыла лицо руками и заплакала.

Маленькие выпцветшие глаза мельника блеснули из-под нависших мохнатых бровей:

— Эй, не дури, Катюха! Не нам с тобой рассуждать об этом. Он теперь сила и богат. — Старик пошарил за пазухой, вынул кошелёк и высыпал на стол с десяток золотых монет:

— Вот они! Самые настоящие, царские! А ты ревёшь, дурища. В шелках ходить будешь.

— Не нужно мне его проклятого золота, — оно в крови! — Девушка отшвырнула монеты и выскочила из комнаты.

Старик трясущимися руками собрал золотые, шамкая беззубым ртом, опять ссыпал их в кошелёк и сунул за пазуху.

Мишка отскочил от окна и двинулся в обратный путь. Он понял, что мельник против воли дочери хочет выдать её замуж за какого-то богача. Хорошо бы помочь ей выпутаться из беды. Но как? Надо поговорить с Оводом. В таких делах он лучше разберётся. Как-никак, а он тоже — девушка.

Размышляя таким образом, Следопыт возвратился в лес.

В МУЧНОМ МЕШКЕ

В то время, когда Следопыт спешил к лесу, на противоположном конце деревушки показался всадник. Он, видимо, тоже торопился и бешено нахлёстывал покрытого потом коня:

— Вперёд, вперёд, старая кляча!

Всадник рванул поводья и, едва не свалив покрытого пеной коня, прыгнул на землю около мельницы. Подбежав к тяжёлой двери, он постучал три раза рукояткой пистолета.

В ответ раздался старческий кашель, и дверь тотчас открылась. Униженно кланяясь гостю, мельник повёл его в ту комнату, где недавно сидела девушка, так поразившая Следопыта своей красотой.

— Минуточку, обождите, одну минуточку, — залебезил старик, усаживая незнакомца, — она сейчас явится.

Гость хлопнул мельника по плечу:

— Ну, как? Согласилась? Иль всё ещё упирается? Боится меня?..

— Зачем же бояться, хе-хе, такого красавца и вдруг бояться!.. Ждёт не дожётся, даже во сне видела... Браги не хотите ли с дороги? Или винца хорошего?

— Можно, можно, — благосклонно согласился гость.

Старик живо принёс бутылку вина и кувшин с брагой. Потом подошёл к внутренней стене комнаты и тихонько стукнул корявым пальцем. Гость насторожился...

После долгой паузы дверь снова скрипнула, и на пороге появилась дочь мельника. При виде гостя она в страхе отшатнулась и растерянно остановилась на месте.

— Что ж ты не здороваешься, Катюшенька? Или язык отнялся от радости? — ласково засюсюкал старик и, незаметно уцепив дочь за руку, зло прошипел ей на ухо: — Смотри, дурища, изведу!..

Девушка вздрогнула и чуть слышно поздоровалась:

— Добрый вечер!

— Здравствуй, здравствуй, красавица! — Незнакомец взял девушку за руку и усадил рядом с собой на скамью.

— Я насчёт закусочки побегу, а вы здесь поворкуйте...

Семена ногами и продолжая хихикать, старик скрылся за дверью. Гость и хозяйка с минуту молчали. Явная холодность красавицы смущала незнакомца; он не знал, с чего начать разговор, а она не поднимала головы.

Однако грубая натура взяла своё: он вдруг схватил девушку за плечи, с силой рванул к себе и поцеловал. Задрожав от страха и отвращения, девушка отскочила в сторону:

— Не трогайте меня! Ради бога, пощадите!..

Гость на минуту смутился. Потом сердито спросил:

— Зачем же старик брал деньги? Разве я плохо наградил его? Вот получи и ты, красотка! — небрежным движением он бросил на стол кожаный кошелёк, который тяжело звякнул.

— Нет! Нет! — в ужасе вскрикнула девушка. — Возьмите ваше нечистое золото, только сжальтесь надо мной и уходите.

Гость хитро прищурил маленькие колючие глазки и вынул из кармана бархатную коробочку:

— А как тебе эта штучка нравится? — В руках гостя сверкнуло богатое ожерелье.

Девушка отступила ещё дальше:

— Не возьму ни за что на свете!

— Так что ж тебе нужно, чёрт возьми! — вспылил гость. — Или забыла, с кем разговариваешь? Да знаешь ли ты, что любая красавица с радостью станет женой батьки Махно!

— Я всё хорошо знаю, — предчувствуя беду и бледнея, возразила девушка, — но я не могу отдать руку... бандиту.

Махно позеленел от ярости:

— Молчать, подлая тварь! Да я тебя раздавлю, как змею, и баста! — он схватил её за косу...

Девушка вскрикнула и без чувств повалилась наземь.

— Ладно! — зло прошипел он. — Не хотела покориться добровольно, возьмём силой...

С полумертвой девушкой на руках Махно вышел наружу и скорым шагом направился к лошади. Чья-то лёгкая тень беззвучно отскочила от окна, притаившись в кустах.

Махно благополучно дошел до коня. Уложил девушку поперёк седла и стал развязывать уздечку.

За спиной бандита внезапно появились две фигуры. В то же мгновение на его голову упал широкий мешок и сразу опустился до пят. Прежде чем Махно успел сообразить, что случилось и выхватить пашку, он уже лежал на земле, крепко скрученный веревками, задыхаясь в мучном мешке.

— Вот это лихо! — воскликнул знакомый атаману голос. — Теперь уж ты не уйдешь, бандит! Возьми его, Ю-ю!

— Есть, капитана!

Махно почувствовал, как чьи-то сильные руки схватили его за ноги и, как тушу барана, потащили вниз по мокрой траве.

Овод и Следопыт осторожно сняли девушку с седла и, опустив на землю, стали приводить в чувство. Между тем Ю-ю дотянул мешок до вороного коня, стоявшего внизу у речонки, и швырнул под куст.

Махно слышал, как рядом с ним стукнул о землю приклад карабина и всё смолкло. Хитрый бандит решил попробовать подкупить своего стража:

— Эй, парень! — сквозь мешок заговорил он. — Развяжи веревки и заработаешь пять золотых.

— Моя нет! — отозвался Ю-ю.

— Бери десять!

— Моя нет...

— Пятьдесят!

— Пошла на чёрт! — отрезал страж.

— Хочешь тысячу, мошенник? — поторопился набавить Махно, полагая, что против такой суммы никто не устоит.

Ю-ю смачно плюнул:

— Тьфу на твой тыща!

— О, чёрта твоему батьку! — выругался Махно. — Чего ж ты хочешь, дурак?

— Дурак мешок сел!

Махно разъярился.

— Берегись, собака! Если ты меня не выпустишь, мои молодцы снимут с тебя семь шкур. И баста! Я — сам Махно!..

Ю-ю засмеялся:

— Мой знал, кого мешок тащил. А твой молчать, шайтан! — и Ю-ю так сунул бандита прикладом, что тот охнул и сразу смолк.

Вскоре пришли и остальные: Мишка, Овод и дочь мельника — Катюша.

— Я повезу Катюшу, а ты возмёшь в седло мешок с бандюгой, — опять услышал странно знакомый голос Махно. — Ю-ю придётся пешком пробежаться.

— Есть, капитана! — отозвался Ю-ю. — Мой не отстанет.

— Умоляю вас, бежим скорее! — в страхе просила дочь мельника.

— Нужно торопиться, друзья, — поддержал Овод, — скоро утро.

Жуткий холодок пробежал по спине бандита: ему почудилось, будто он слышит голос той самой девушки, которая была повешена в Чёрной балке по его приказанию. Нет, этого быть не может — мёртвые не воскресают!

Разговор продолжался:

— Ты, Овод, поезжай пока шагом, а мы с Ю-ю останемся на минутку здесь, — приказал Мишка.

— А в чём дело? — спросил Овод, подсаживая на седло дочку Мельника.

— Ничего особенного, надо старый должок отдать...

Овод с девушкой уехали вперёд.

Следопыт взял плетё и, подойдя к мешку, слегка ткнул его носком сапога:

— Ну-ка, Ю-ю, поверни его тыквой кверху.

— Есть, капитана! — с удовольствием отозвался Ю-ю, выполняя приказание.

— А теперь считай до пятидесяти, да смотри не сбейся...

Вряд ли надо рассказывать, с каким удовольствием принимал надменный атаман порцию горячих. Мишка старался изо всех сил:

— Не грабь народ! Не трожь красных дьяволят! Не лезь к будёновцам!..

Бандит заскрипел зубами и разразился такой забористой бранью, что Ю-ю впервые расхохотался от всей души. А Мишка продолжал всыпать.

На тридцатом шлепке Мишка услышал крик Овода:

— Скорей по коням!..

С большим сожалением Мишка прекратил экзекуцию:

— Ладно. Двадцать штук досыплю на месте.

ПОДАРОК РЕСПУБЛИКЕ

В городе Е. было необыкновенно оживленно и шумно. К главной площади по всем улицам и переулкам двигались потоки людей. На площади стоял уже знакомый нам отряд красных партизан в полном боевом снаряжении. Сегодня он уходил на фронт бить Врангеля. Рабочие организации и граждане города провожали партизан с красными знаменами, песнями и музыкой.

Залитая потоками яркого солнца и красным заревом многочисленных знамён, площадь горела и бурлила. Людское море колыхалось вокруг наскоро сбитой трибуны. Митинг был в разгаре. Говорил рабочий рельсопрокатного завода:

— Советская власть, товарищи, в опасности! Чёрный ворон — Врангель — всё ещё сидит в Крыму. Если мы не сбросим его в море, он опять полезет на Украину, а за ним, глядишь, и буржуй вернётся, и помещик, и прочие белые гады. Не бывать тому, товарищи!

— Бей Врангеля! — кричала в ответ толпа.

— Вот и я тоже говорю, — продолжал оратор. — Партия зовёт нас под ружье! Сам Ленин зовёт! Все за оружие, товарищи! Смерть буржуйам! Урра-аа!..

— Урра-ааа! — загремело над площадью.

Вслед за рабочим перепоясанный патронными лентами на трибуну поднялся командир партизанского отряда Цибуля.

В заключение своей горячей речи Цибуля дал клятву, что его полк не вернётся назад до тех пор, пока ни одного беляка не останется на родной земле. Он упомянул также и о полном разгроме махновских банд и выразил сожаление, что сам Махно всё ещё не пойман...

Но вдруг Цибуля прервал свою речь на полуслове.

В облаках пыли к площади во весь опор мчался вороной конь с двумя всадниками. С развевающейся по ветру косой впереди сидела девушка, которую поддерживал сзади рыжий парень в изодранной одежде. Далеко позади скакал ещё один всадник с большим мешком поперёк седла, а на диво всем, придерживаясь одной рукой за стремя, рядом с конём стремительно бежал будёновец.

Партизаны на всякий случай приготовились к бою. Толпа затихла. А когда приблизился вороной конь, люди поспешно раздвинулись на две стороны, очищая дорогу.

Рыжий всадник осадил коня у самой трибуны и крикнул с седла:

— Здравствуйте, товарищи!

Цибуля и партизаны увидели отчаянного Следопыта живым и невредимым!

За ним подоспел и Овод с таинственным мешком поперёк седла, с неутомимым Ю-ю у стремени.

Знаменитых разведчиков встретили криками «ура». Все трое оказались в могучих объятиях друзей и товарищей. Сам командир сбежал с трибуны и помог неизвестной девушке сойти на землю. Мишка вытянулся в струнку и громко отрапортовал:

— Дозвольте доложить: поиск проведен успешно. Мы привезли подарок Советской республике!

Цибуля улыбнулся:

— Уж не эту ли красу-царевну вы считаете подарком?

— Никак нет! Наш подарок почище будет! — Следопыт подмигнул своим друзьям.

— Где ж он? — удивился Цибуля. — Я не вижу.

— В мешке сидит!

— В мешке?!

Все окружающие прыснули со смеху. Предвкушая что-то необыкновенное, народ тесным кольцом окружил разведчиков.

Командир приказал:

— В таком случае, тащите ваш подарок на трибуну.

— Есть, тащить на трибуну! — отозвался Следопыт. — А ну-ка, Ю-ю, отвяжи мешок!

Ю-ю мигом исполнил приказание, ловко взвалил странный мешок на плечи и понёс на трибуну. За ним поднялись разведчики и командир Цибуля.

Следопыт скомандовал:

— Бросай подарок на середину!

— Есть, капитана! — Ю-ю весело улыбнулся и швырнул мешок на пол.

Мешок громко крикнул, потом зашевелился и вдруг сам собою стал подниматься.

От удивления все разинули рты. Старушка, стоявшая рядом с трибуной, шарахнулась в сторону:

— Мать пречиста, мешок встает!..

Глухо ворча, мешок действительно встал завязанным концом вверх.

Командир вспыхнул:

— Это ещё что за шутки, медвежонка, что ли, приволокли?

— Зачем медвежонка, тут целый медведь, — невозмутимо ответил Следопыт, развязывая узел.

Любопытство толпы достигло высшего напряжения. Передние ряды вплотную придвинулись к трибуне, а задние полезли на плечи соседей.

Наконец таинственный мешок раскрылся и медленно пополз вниз.

Следопыт отрапортовал Цибуле:

— Вот он — подарок! Получайте, товарищ командир!

И перед изумлёнными взорами народа, весь покрытый мучной пылью, растрёпанный и жалкий, предстал какой-то немудрящий человечешка с поднятыми дыбом волосами.

— Это ещё что за птица? — спросил командир, не узнавая злого врага Украины.

— Это изменник родины, бандит и грабитель — батька Махно!

Толпа ахнула:

— Махно! Махно! — как ветер, понеслось по рядам. — Смерть бандиту!..

Махно узнал не только Следопыта, но и Овода, недавно повешенного им в Чёрной балке...

— Что за наваждение такое? — прохрипел он, пятясь назад. — Опять эта проклятая девчонка!

— Да, да! Это—я! — ответил Овод, подходя ближе. — Иногда и мёртвые воскресают, чтобы отомстить живым...

Бандит побелел под слоем муки и в ужасе озирался по сторонам. Ему казалось, что он сошёл с ума и теперь бредит дикими нелепыми образами: воскресший Овод, партизаны, толпы народа, сотни знамён, шум и крики — настоящий кошмар!..

Командир первым пришёл в себя и, крепко пожав руки всем разведчикам, обратился к народу:

— Товарищи! Наши славные разведчики и в самом деле привезли ценный подарок Советской России: они захватили в плен одного из самых гнусных бандитов — атамана кулацкой банды Махно. Хвала и честь юным героям!..

— Урра-ааа! — загремело над площадью.

Махно готов был растерзать всех на мелкие кусочки, но мог только скрежетать зубами в бессильной ярости и злобе. А тут ещё стояла дочь мельника и смотрела на его жалкую фигуру, насмешливо улыбаясь...

На трибуну вошёл будёновец и передал Цибуле какие-то коробки.

— Все три здесь? — тихо спросил тот.

— Так точно, товарищ командир!

Цибуля поднял руку, призывая к порядку.

Сотни глаз впились в командира.

— Товарищи! — торжественным тоном начал он. — Я счастлив всенародно заявить здесь, что Коммунистическая партия и Советская власть высоко оценили боевые заслуги и самоотверженность наших отважных разведчиков. Разрешите от имени Республики вручить этим славным героям заслуженные награды...

Цибуля медленно вынул из коробки три блестящих ордена и поднял их над головой.

Долго сдерживаемое напряжение толпы прорвалось. Ураган рукоплесканий и криков «ура» рванулся к небу. Над головами замелькали платки, полетели вверх шапки, а ребятишки, словно стаи грачей, посыпались со всех столбов и заборов.

Каждый старался протолкнуться вперёд, к трибуне, и хоть одним глазком посмотреть на отчаянных будёновцев, сумевших посадить в мешок самого «батьку Махно».

Но, кажется, больше всех радовалась дочка мельника, которая давно уже стояла на трибуне, не сводя глаз со своего спасителя — Следопыта.

А когда командир собственноручно приколол к его широкой груди пылающий под солнцем орден Боевого Красного Знамени, Катюша не выдержала и на глазах толпы расцеловала смущённого Мишку.

Нет, Дуняша не решилась поцеловать Ю-ю, но девушка так крепко пожимала ему руки, так нежно поздравляла его с чудесной наградой, что на глазах их верного друга выступили слёзы — слёзы невыразимого счастья.
